

Почти семейный детектив

Автор:

Людмила Мартова

Почти семейный детектив

Людмила Мартова

Желание женщины

Ганна боялась признаться себе, что до сих пор любит Илью Галицкого, успешного бизнесмена, с которым у нее много лет назад случился роман. Тогда она сама разрушила их отношения: не желала больше делить его с женой. Она решила, что будет воспитывать их сына одна. Даже через десять лет Ганна жалела об этом! Она была уверена, что судьба их больше не сведет вместе, пока случайно не оказалась в одной квартире с Галицким, его женой и трупом на окровавленном полу. Каждый из них знал убитого. Теперь им придется ввязаться в опасное расследование и по ходу его разобраться в себе.

Людмила Мартова

Почти семейный детектив

© Мартова Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Марине Черновой,

щедро одаривающей меня поводами для вдохновения.

В один прекрасный день (а других и не бывает на свете)...

Марк Шагал. Моя жизнь

Этой ночью во сне она снова скакала верхом, будто убегая от неведомой опасности. Ганне часто снилось, что она всадница. Скачет по жизни, то и дело прищпоривая коня. Быстрее. Еще быстрее. Ветер развеивает темные волосы, бросает на лицо. Она нетерпеливо убирает их за спину, вновь подставляя его ветру.

Ветер – друг. Он уносит тревоги, спасает от зноя, его жадно втягивают раздувающиеся ноздри коня. В ветре запахи дальних стран, в которых удастся побывать, если повезет. В ветре весточки от близких, с которыми все хорошо. С которыми все будет хорошо. В ветре надежда на то, что все будет.

Ветер – враг. Он гудит за стеной, бьется в окно, принося страх. Страх, что она чего-то не успеет. Не доскачет. Не добьется. Страх, что конь потеряет подковы, в кровь разобьет ноги, не дотянет до финиша. Страх, что финиш может быть гораздо раньше, чем ей бы хотелось.

Всадница. Она скачет верхом, сжимает босые пятки, раскачивается в такт гонке. Быстрее. Еще быстрее. Темные волосы падают на лицо. Она нетерпеливо отбрасывает их за спину, вновь подставляя его поцелуям в ночи.

Ночь – друг. Ночью можно дать отдых усталым ногам, устроить недолгий привал, на время остановить бесконечную скачку. Пересесть на другого коня. Горячего. Верного. Понимающего с полувзгляда, с полужеста. Коня, которому не нужны шпоры. Коня, вместе с которым так просто, так сладко добраться до финиша. Быстрее. Еще быстрее.

Ночь – враг. Подкарауливающий в темной подворотне. Наносящий удар исподтишка. Выискивающий слабые стороны. Терпеливо выжидающий момент, когда она отпустит поводья, «откроется», станет беззащитной. На время. На час. Где-то между тремя и четырьмя ночи, когда царствуют силы зла, когда душу

терзают демоны. Демоны страха, что на этот раз она была не на высоте.

И вновь наступает утро. И всадница ведет в поводу коня. Подставляет ветру лицо. Нетерпеливо отбрасывает за спину темные волосы. Мгновение, и она уже в седле. Ей некогда бояться финиша. Ей некогда думать о несовершенстве. Ей надо успеть сделать слишком много до того, как она доскачет до черты. Быстрее. Еще быстрее.

Глава первая

Утро добрым не бывает

Будильник прозвенел, и Ганна, не открывая глаз, зашлепала рукой по тумбочке, пытаюсь нащупать трезвонящий телефон. Вовке, спящему в соседней комнате, будильник не помеха, его, хоть из пушек пали, не разбудишь, весь в отца. А вот Генька уже завозился в кровати, засучил длинными, тощими, словно у аиста, ногами, еще секунда, и взметнется встрепанная светлокудрая голова, явит миру недовольные, опухшие ото сна глаза, посмотрит укоризненно, и Ганна вмиг почувствует себя виноватой. Впрочем, в присутствии Геньки она чувствовала себя виноватой практически всегда.

Телефон наконец-то прыгнул в руку и послушно замолк под ее пальцами. Ганна счастливо расслабилась и тут же села в кровати. Как она забыла, нельзя выключать будильник с закрытыми глазами. Когда она в прошлый раз сделала так, то хитроумный айфон, то и дело норовящий зажить своей жизнью, самовольно набрал номер мамы. До сердечного приступа, конечно, не дошло, но объясняться, зачем она звонила в шесть утра, пришлось долго. Не рассказывать же маме про самостоятельность айфона.

Ганна опасливо покосилась на мерцающий экран. Слава богу, она никому не позвонила, спросонья только вошла в «Фейсбук». Но это ничего, это не страшно. Избегая соблазна уставиться в открывшуюся новостную ленту, Ганна решительно откинула одеяло и спустила ноги на пол. Если сейчас начать читать «фейсбучные» новости, то выберешься из кровати через полчаса, не меньше. А валяться некогда, пора на работу.

Тут Ганна тяжело вздохнула. Она всегда вздыхала, когда думала про работу. Ее было так много, что переделать всю до конца было абсолютно невозможно. Ганна пробовала, честное слово. Несмотря на то что она была человеком высокоорганизованным, ежедневно писала план на день и вычеркивала выполненные пункты, дела валились ей на голову, накапливались, вырастали в гору Джомолунгму, на которую она взбиралась, сцепив зубы, как опытный альпинист, покоряющий очередной пятитысячник, в погоне за званием «Снежного барса».

Ее трудовая книжка лежала в фирме, являющейся крупным интернет-провайдером, оказывающей услуги связи и цифрового телевидения. Ганна работала там пиар-менеджером: разрабатывала рекламные кампании, дружила с журналистами, писала статьи, придумывала всевозможные «завлекалки» для клиентов, составляла бесконечные отчеты в головную контору, которая, как и положено головным конторам, находилась в далекой и неприступной Москве.

Ганне нравилось считать, что Москва – далекая и неприступная. Вообще-то до столицы было всего четыре часа езды, но в их фирме считалось, что до нее было, как до Марса. По крайней мере, московские начальники разговаривали с ней на инопланетном языке, и достичь консенсуса им было невозможно.

В ее родном городе все работали с восьми до пяти, и Ганна работала так же, потому что в восемь телефон начинал трезвонить как сумасшедший, клиенты требовали оказания услуг, контрагенты желали провести переговоры, и, хотя к Ганниной работе это напрямую не относилось, она все равно приезжала на работу в восемь. В полдевятого местный начальник, которого она уважала и ценила, проводил планерки, и приходить на них нужно было подготовленной, чтобы не попасть впросак.

Утром каждого дня Ганна быстро, но тщательно мониторила социальные сети в поисках гадостей про родную контору. В случае обнаружения их разбирали на планерках и вырабатывали «достойный ответ Чемберлену». С учетом, что Вовка ходил в школу тоже к восьми, и с утра ему требовался горячий бутерброд, сладкий чай и выглаженная рубашка, Ганну такой график устраивал.

Гораздо меньше ей нравилось, что в пять вечера ее рабочий день вовсе не кончался. Москва, будь она неладна, работала с десяти до семи, поэтому московскому начальству было необходимо, чтобы сотрудники со всей необъятной родины в это время были в прямом доступе и оперативно

реагировали на внезапно поставленные задачи. Их целесообразность вызывала сомнения, но не обсуждалась.

В начале трудовой карьеры Ганна возмущалась и спорила, потом попритихла, а затем привыкла, рассудив, что нужно плыть не против течения, не по течению, а туда, куда тебе надо. Она ловко распределяла свои должностные обязанности с восьми утра до семи вечера, а в свободное время вела группу в «ВКонтакте» для местного драматического театра (работа номер два), писала пиар-концепции и рекламные статьи для завода пластиковых окон (работа номер три) и организовывала командные мероприятия и праздники (работа номер четыре).

По основному месту трудоустройства это была ее общественная нагрузка – готовить команду для КВНа и областного конкурса «Леди успех», проводить корпоративы на Новый год и бег в мешках перед Восьмым марта. Делала она это творчески, с огоньком, хорошо делала, поэтому к ней то и дело обращались с подобными просьбами из других учреждений, компаний и фирм их города. И если родное предприятие не тратило на ее талант ни копейки, то все остальные платили довольно щедро.

Пахать на четырех работах Ганне не нравилось, но в нынешние времена получать четыре зарплаты было надежнее, чем одну или даже две. Именно поэтому Ганна надрывалась, по образному выражению президента, как раб на галерах. В последнее время себя было гораздо жалче, чем президента, но думать про это было нельзя. Жалость съедала время, а главное – силы. А их нужно было беречь, чтобы работать.

Кроме того, у Ганны имелось хобби, которое, как она надеялась, рано или поздно должно было перерасти в работу номер пять, а со временем заменить работы номер один, три и четыре. Бросать драмтеатр она не собиралась, там ей было интересно. Ганна писала детективы, и их даже издавало очень крупное, и очень известное московское издательство с хорошей репутацией и громким именем.

С издательством дела обстояли не совсем чисто, и Ганну это смущало. Она была уверена, что издадут ее не за хороший слог и богатую фантазию, а просто так, по знакомству, но именно этому знакомству она, в первую очередь, и собиралась доказать, что может стать действительно популярным и читаемым автором.

Писала она каждый день, выделяя полтора часа в то время, когда у нормальных людей был обеденный перерыв. Иногда она оставалась за рабочим столом и после семи, потому что, еще раз повторим, была человеком высокоорганизованным, и запланированную на день норму выдавала на-гора обязательно.

Все было хорошо, особенно в дни зарплаты. И на Генькиной шее она не висела, и салон красоты по выходным посещала, потому что могла себе это позволить, и обновки себе покупала с завидной для подруг регулярностью, и даже Вовку вполне могла обеспечить сама, без помощи его отца, пусть даже эта помощь и переводилась ей на карточку регулярно и в весьма достойном объеме.

Вот только от жизни, в которой не было ничего, кроме работы и обязанностей, она очень сильно устала. Так сильно, что не радовали ни обновки, ни Вовкина самостоятельность, ни вечно ею недовольный Генька. Перед ним она была виновата, потому что домашним хозяйством занимался в основном он. Убирал в квартире, покупал продукты, готовил еду, стирал белье. Во-первых, у него это получалось гораздо лучше, чем у Ганны. А во-вторых, Генька все равно уже больше года нигде не работал. Вообще-то он был журналистом, но считал ниже своего достоинства горбатиться за копейки.

Иногда в голову к Ганне забредала крамольная мысль, что зарплата, которую он раньше получал в своей редакции, вполне перекрывала сумму, получаемую ею в драмтеатре, а это значит, что хотя бы одной работой в ее жизни могло бы быть меньше. Но сказать это вслух, не обидев Геньку, она не могла. Да и опять же в театре ей нравилось и уходить оттуда она не хотела. А раз так, то какой разговор...

Ганна прошлепала на кухню, щелкнула кнопкой чайника и снова вздохнула. Чайник был новым, недавно купленным взамен перегоревшего. Стекланный, прозрачный, переливающийся красивыми синими всполохами во время закипания. Чайник выбрал Вовка, и Ганне было ужасно жалко денег, потому что стоил он в три раза дороже, чем обычный пластмассовый собрат, а воду кипятил и накипь собирал точно так же. Но сын очень хотел этот чайник, точь-в-точь такой, как у друга, и Ганна скрепя сердце его купила, чтобы доставить ребенку радость. Для чего еще она работает, если не для этого?

Она достала пакет с молотым кофе, насыпала во френч-пресс две ложки с горкой, вдохнула волшебный аромат и вдруг вспомнила. Боже мой, с

завтрашнего дня она же в отпуске! Как же она, спросонья, про это забыла? Сегодня она вычеркнет в ежедневнике все свои дела, допишет главу очередного романа, раздаст наказы коллегам и сослуживцам, а завтра с утра соберет чемодан и вместе с Вовкой поедет в Москву, на время забыв про работу и Геньку. Там у нее встреча в издательстве, затем она сдаст сына на руки отцу, захотевшему провести с сыном майские праздники, и вечером сядет в фирменный поезд «Двина», который отвезет ее из Москвы в Витебск.

Вообще-то Ганна мечтала провести отпуск в Риме, но курс евро рос быстрее, чем ее доходы. Поэтому, не желая расстраиваться из-за того, что нельзя изменить, Ганна и решила уехать на родину родителей, в Витебск, где она была в последний раз еще совсем ребенком. Квартира была забронирована, билеты на поезд куплены, Генькино недовольство проглочено. Впрочем, недовольство он проявлял больше для форсу, искренне радуясь возможности остаться наедине с пивом и чемпионатом мира по хоккею.

Да. Завтра отпуск. Целую неделю она не будет придумывать слоганы и составлять графики, пялиться в бесконечные социальные сети, расстраиваться из-за гадостей, которые там пишут, и ломать голову над нескладывающимся сюжетом. Она будет есть белорусские драники со сметаной, пить лидское пиво и уличный квас из бочек, гулять по позабытым улицам, отдыхать в кафе, когда устанут ноги, просыпаться без будильника и улыбаться без причины. А еще она обязательно съездит в Здравнево. И в Лепель тоже съездит. И от этой мысли она в первый раз за все утро улыбнулась.

* * *

Илья Галицкий проснулся недовольным. Впрочем, сегодняшнее утро ничем не отличалось от других, себе подобных. По утрам он всегда был недоволен, в первую очередь собой. Как-то он попытался припомнить, было ли в детстве или юности подобное, оставляющее тухлый привкус во рту чувство. Вроде нет. Ранние пробуждения в те далекие годы были яркими, веселыми, дарующими азартный интерес ко всему, что обязательно должно приключиться за длинный-длинный день.

Когда он перестал испытывать этот азарт? Он не мог вспомнить точно. То ли когда бизнес начал занимать так много времени, что его перестало хватать на

простые человеческие радости, то ли после первого развода, то ли после второго... А может, нет никаких причин для недовольства, и все дело в возрасте?

Сорок восемь лет. Не мальчик уже, вон, виски седые. И печень, как это принято говорить, пошаливает. И давление периодически скачет, и накаченных мышечных кубиков на животе давно уже нет и в помине. Пузо он, конечно, не отрастил, ест в меру и вообще следит за собой, но не атлет, чего уж там. Хорошо хоть лысины не намечается.

Галицкий взъерошил свои густые, хорошо подстриженные волосы, действительно начинавшие отливать сединой, и усмехнулся. Вот зачем он притворяется перед собой, что не знает правды о съедающем его изнутри недовольстве? Все он прекрасно знает и понимает. Он недоволен собой уже десять лет, с того самого момента, как отпустил из своей жизни единственную женщину, которая заставляла его чувствовать себя живым.

Не банкоматом, выдающим деньги по первому требованию, не роботом, многократно повторяющим нехитрые бизнес-операции, не печатным станком, шлепающим книги, не автоматом, выплевывающим стаканчики с мороженым, а живым человеком, ироничным, талантливym и ранимым.

Он прикрыл глаза от внезапной резкой боли в груди. Как она поняла, что он действительно раним? Под толстой шкурой прущего напролом носорога углядела чувствительность и кинулась защищать, оберегать, холить, лелеять, просто любить? Ни до, ни после не было у него такой женщины, а он, дубина, не оценил этого, не сохранил, не уберег ту хрупкую связь, что возникла между ними неожиданно для обоих.

Она всегда была честной и прямой, его девочка. Она не захотела играть в ту извечную игру, которую затевают женатые мужчины, чтобы сохранить и удовольствие, и душевный комфорт. Она просто незаметно отошла в сторону, а когда он хватился, оказалась уже слишком далеко, не догнать. Сколько лет прошло? Десять? Да, уже десять. И все эти годы он просыпается утром, злясь на себя и весь мир, только из-за того, что ее нет рядом.

Боль отпустила, Илья открыл глаза и скосил их в сторону жены. Она лежала на спине и тихонько похрапывала, в последнее время она почему-то начала храпеть. Галицкий тут же испытал острое раздражение, впрочем, тоже ставшее

уже привычным. Она раздражала его постоянно и очень давно. Если бы он десять лет назад не развелся, то восемь лет назад на этой женщине бы ни за что не женился. Все могло бы быть совсем иначе. Да что об этом говорить. Пустое.

Он откинул одеяло, сбросил свое тело (очень даже приличное тело, по крайней мере, женщины не жалуются) с кровати и начал новый день, который не предвещал ничего особенного. Крупный книгоиздатель, владелец сети книжных магазинов, десятка отличных ресторанов, салона элитного трубочного табака и маленькой частной картинной галереи Илья Галицкий не мог иметь причин для недовольства собой. Он был предусмотрителен, расчетлив и удачлив в делах. Харизматичен и обаятелен в жизни. Его враги, познакомившись с ним поближе, тут же становились друзьями, а кто не становился, тот исчезал с дороги, сметенный носорожьим напором.

В глубине души он, конечно, не считал себя похожим на носорога. Когда Илья смотрел в зеркале, то видел снежного барса, отличающегося тонким, длинным, гибким телом, небольшой головой и подвижностью движений. Даже цвет волос у него теперь похож на окрас ирбиса – светлый, дымчато-серый мех с темными, еще не поседевшими пятнами. Когда-то давно Галицкий назвал свое издательство в честь этого грациозного, редкого представителя семейства кошачьих, и ни разу об этом не пожалел. Ирбис. Снежный барс. Элегантный и беспощадный. Вызывающий трепет и преклонение. Да. Так хорошо. Так правильно.

Перед тем как побриться, он подмигнул своему изображению в зеркале, и оно подмигнуло ему в ответ. Все было хорошо, просто прекрасно. И до следующего утра оставалась масса времени, чтобы не думать о совершенной им когда-то ошибке.

Если бы не его привычка по утрам растравлять старую рану, то он бы уже давно заметил другую допущенную им ошибку, грозящую серьезными проблемами. Проснувшись, он чувствовал ее приближение всей своей шкурой, но списывал на утреннюю хандру. Что-то было не так, но усилием воли Галицкий прогнал эту мысль и решительно начал наносить на лицо пену для бритья.

Так, через пару дней супруга уезжает в Испанию. Лет пять назад Галицкий купил там дом, и его дражайшая половина уезжала туда на май-июнь, затем возвращалась в Москву переждать июльский зной, а в середине августа снова уматывалась на море, чтобы нежиться там под средиземноморским солнышком

до середины октября. Признаться, Галицкий не имел ничего против. К жене он наведывался за весь летний сезон пару раз, да и то совмещал эти визиты вежливости с накопившимися в Испании делами. Жена относилась к его прохладце с пониманием. В конце концов, любой мужик есть существо с придурью. Деньги дает, сколько попросишь, в душу не лезет, а что любовниц молоденьких заводит без счета и трахает до одури, так пусть ему будет на здоровье. Как гласит народная мудрость, не мыло, не смылится. Так и жили, особо не утруждая друг друга.

Завтра приезжает Ганна. Это просто прекрасно, что завтра он будет обсуждать планы продвижения новой книги с одним из самых перспективных своих авторов. Смешно, но она никак не может поверить, что действительно хорошо пишет. Галицкий был удачливым книгоиздателем, потому что у него было чутье на авторов и врожденный вкус к хорошим книгам. Он знал, что через год-два, максимум три, имя Ганны Друбич будет известно по всей стране. Его невероятно умиляло, что она этого не понимает. Конечно, хороший текст и захватывающий сюжет – это еще не все. Но уж в чем-чем, а в продвижении начинающих авторов Галицкий был асом. Так что быть Ганне знаменитой, хочет она этого или нет. Заканчивая бриться, он уже улыбался.

Так, что там дальше? Впереди майские праздники, и он обещал сыновьям провести время с ними. Это обстоятельство радовало не только парней, но и его самого. Несмотря на всю свою брутальность, Галицкий любил возиться с детьми. Сыновей у него было трое. Старший уже студент, живет в Петербурге, куда после развода уехала первая жена Галицкого. Два других – подростки, и с ними он едет в Питер, чтобы познакомить мальчишек друг с другом. С этим тоже все понятно.

Все остальные дела – текущие, с ними он расправится в два счета и можно отдыхать. Ах, да. Он же обещал Гарику съездить сегодня на сборище доморощенных писателей, посмотреть на какого-то непризнанного гения. Гениев этих, затертых, неотмытых, с сальными волосами и затравленным взором фанатично горящих глаз Галицкий не выносил на дух. Он был убежден, что в это сборище графоманов не может затесаться ничего стоящего внимания, но Гарик – Павел Горенко, его верный зам и первый помощник, отвечающий за работу с авторами, – считал иначе и очень рекомендовал Галицкому присмотреться к где-то выкопанному им гению.

Илья вообще-то терпеть не мог выходить из офиса и специально открыл один из ресторанов на первом этаже того дома, в котором располагалось издательство «Ирбис». На второй этаж, к апартаментам Галицкого вела лестница, по которой он спускался к назначенному времени. Все деловые встречи он проводил в ресторане, считая, что кабинет годится лишь для работы с документами, а переговорные – слишком безлики и скучны, особенно для людей творческих. К ним Илья относил и тех, кто зарабатывает большие деньги, поскольку искренне считал, что преуспеть в бизнесе, не имея креативного мышления, невозможно.

В общем, сам Галицкий на встречи никогда не ездил, предпочитая заниматься делами на своей территории, и выезд в какое-то спасо-кукуево, богом забытую районную библиотеку, где собирались непризнанные таланты, был для него практически невозможен. Он и сам не знал, как Гарику удалось его уговорить, но неожиданно для себя согласился на этот форменный идиотизм. Что ж, придется после обеда вызывать машину и тащиться на другой конец Москвы. У Галицкого заранее начинали болеть все зубы, когда он представлял, как это будет.

Маленькое, бедное помещение, висящий в воздухе запах давно не мытых тел, безумные глаза, горящие от страстной надежды залезть ему, Илье, в карман и издать свои непризнанные шедевры за его счет, а затем прославиться. Карманы писатели атаковали почище клопов. Черт бы подрал этого Гарика.

Галицкий закончил чистить зубы, принял душ, смочил еще влажные волосы модным одеколоном, чуть тронул гладко выбритые щеки и вышел из ванной комнаты навстречу рабочему дню и доносившемуся с кухни запаху свежемолотого кофе. Домработницу он подбирал с той же тщательностью, с которой она теперь исполняла свои обязанности. Галицкий не знал, что шаг, сделанный им через порог, был первым на пути к серьезным неприятностям.

Глава вторая

Встретить даму с косой – к несчастью

Ганна переступила через порог и легонько вздохнула. В стенах издательства она всегда робела, хотя вообще-то робкой не была и защищать себя умела. Почему-

то именно в этих стенах ее уверенность в себе давала сбой в системе. И Ганна всегда гадала, что становилось тому виной: невероятно стильная обстановка – много белого цвета, хромированного металла, стекла и света – или магнетизм Галицкого.

Разговаривая с Ильей, она нервничала и чувствовала каждый килограмм лишнего веса, морщинку под глазами, сломанный в поездной суете ноготь, немодный крой юбки. Так было всегда, и, вновь испытав знакомое чувство собственного несовершенства, Ганна даже рассердилась на себя, на Илью, на чертовку-жизнь, подкидывающую все новые и новые испытания. Не было бы этих дурацких книг, не появилась бы и необходимость общаться с Галицким, черт бы его подрал.

Ганна шла по белому стеклянно-металлическому коридору, и настроение у нее портилось все больше и больше. Нет, ну кой черт занес ее на эти галеры, спрашивается... Она вдруг остро позавидовала Вовке, которого встретившая их на вокзале машина издательства отвезла к бабушке. Хотя нет, Вовкину бабушку она боялась еще сильнее, чем Галицкого. Ганна даже трусливо не стала подниматься в квартиру, высадила Вовку у подъезда, нажала на кнопку домофона, в ответ на царственное «да» тоненько пропищала: «Это мы, здравствуйте, Эсфирь Григорьевна», запустила сына в открывшуюся дверь, вручила сумку с одеждой, и рванула обратно, спрятавшись за тонированное стекло машины. Нет, в Москве ее независимость и чувство собственного достоинства куда-то бесследно пропадали.

Сын ее тревог не разделял, свою царственную бабку нежно любил, она отвечала ему тем же, так что за Вовку можно было не беспокоиться. Предстоящую неделю он проведет, как говорят, с пользой и не без приятности. У его бабушки есть характер и отличные манеры, а у отца деньги, так что все будет хорошо и с питанием, и с воспитанием.

В «Ирбисе» было прохладно и, как всегда, пустынно. Если раньше незнакомая с жизнью издательств Ганна была уверена, что там бурлит жизнь, толкуются взъерошенные люди в мятой одежде, разных носках и безуминкой таланта в глазах, то после знакомства с Ильей была поражена похожими на тихую заводь коридорами «Ирбиса». Не выдержав, Ганна поделилась своим изумлением с Галицким, а он только рассмеялся в ответ, а отсмеявшись, объяснил, что писательство – труд тихий, и книгоиздание тоже. Сидят люди в кабинетах, вычитывают, правят, редактируют, корректируют, макетируют... Работают,

одним словом, шум и гам в этом деле ни к чему. Чай не вертеп.

Объяснение было Ганне понятно, но каждый раз, переступая через порог «Ирбиса», она все равно удивлялась царящей там тишине. «Как на кладбище», – подумалось ей, и она невольно скрестила пальцы и, убедившись, что никто не видит, поплевала через левое плечо. Писательница Ганна Друбич была суеверной, но тщательно это скрывала.

Из двери, ведущей в приемную Павла Горенко, заместителя Галицкого, отвечающего за работу с авторами, внезапно вылетела какая-то девица. В белом холодном коридоре она смотрелась инородно. Девица была красива той редко встречающейся, броской, деревенской красотой, которая заставляет оборачиваться на улицах. Крепкое, налитое жизненными силами тело, круглый четкий овал белокожего лица с прямым носом и ямочками на щеках, брови вразлет, глаза на пол-лица, синие-синие, как морская вода на приличной глубине, толстая белокурая коса, кончающаяся примерно в районе попы. Да, попа тоже была идеальна, как и тугая, аккуратная, мерно вздымающаяся от рыданий грудь под тонкой трикотажной маечкой.

Девица действительно плакала. Идеальной лепки носик покраснел, тушь под пушистыми ресницами размазалась, из высокого тонкого горла вырывались всхлипы.

– Вам помочь? – участливо спросила Ганна, которая регулярно обещала себе не вмешиваться в чужие неприятности, когда ее об этом не просят, и так же регулярно нарушала это обещание.

– Что? Нет. Спасибо, мне никто не может помочь. – Девица судорожно вздохнула, пытаясь остановить новую порцию слез, но не справилась с собой и взвыла.

Зажав ладонью рот, чтобы приглушить звук, она перебежала через коридор и скрылась за дверью туалета. Ганна посмотрела ей вслед и легонько пожала плечами. Тонкость душевной организации писателей была ей непонятна. Отчего можно так расстроиться? От отказа напечатать ее бессмертное творение? Не иначе. Хотя странно, Паша Горенко, или, как все его называли, Гарик, отличался душевной чуткостью и умел построить разговор с незадачливым автором так, что тот уходил если не счастливый, то вполне довольный собой и жизнью.

– Ганка-хулиганка, привет. Ты что, приехала? А я и не знал, что собираешься. – В коридоре откуда-то материализовался сам Паша, с легкой опаской покосился в сторону своего кабинета, видимо, проверяя, не там ли эмоциональная девица, и Ганна выдохнула с облегчением. Гарика она любила и ни капельки не боялась. Невысокий, тонкокостный, изящно сложенный и невообразимо элегантный, он всегда улыбался, широко и открыто. За многие годы знакомства Ганна ни разу не видела его в плохом настроении.

Если Илья Галицкий был похож надвигающегося с томной грацией снежного барса, то Гарик напоминал итальянского грейхаунда или, по-простому, собаку левретку. Грудь у него была гладкая, безволосая, руки тонкие и тоже гладкие, как у женщины, в отличие от поросшего могучей шерстью Галицкого. Они были совершенно непохожи, но составляли отличную пару. Галицкий – мозг и финансовый гений, обладающий невыразимым чутьем и скверным характером. И Горенко – въедливый, вдумчивый, располагающий к себе людей с первого взгляда.

Авторы Гарика обожали, а он относился к ним с легкой иронией, но глубоким уважением, поскольку искренне считал их основным «топливом» для книгоиздательского бизнеса. У него не было такого острого чутья на литературу, коим обладал Галицкий. Тот бы увидел ценный бриллиант при первом, небрежно брошенном взоре на гору куриного помета, а Горенко, чтобы найти что-то стоящее, требовалось глубоко и ровно прорабатывать пустую породу. Но он был человеком усидчивым и целеустремленным. Копать так копать. От забора и до обеда. Никто и не против.

– Привет, Павлик, – Ганна улыбнулась со всей нежностью, на которую была способна.

– Ответ неправильный. Нужно говорить дяде: «Здравствуй, Гарик». Учишь тебя, учишь, а все без толку. У великого и ужасного уже была?

– Нет, только с духом собираюсь, – призналась Ганна.

– Ладно, как освободишься, загляни ко мне, буду тебя кофейком отпаивать. – Все-то он про нее знал, этот Гарик, даже то, что после встречи с Галицким ее нужно будет приводить в чувство. – Заодно и про последнюю рукопись поговорим. Ты когда ее сдавать собираешься?

– Я сдам, Павлик, честное слово, сдам, – Ганна даже руки на груди сложила, будто в молитве. – На работе последний месяц была такая запара, что думала подохну. Сейчас в отпуск съезжу и потом недели за две все добыю, честное слово.

– В отпуск... В отпуск это хорошо. Куда намылилась-то? Для Испании с Италией, да Крыма с Сочами вроде не сезон, а Турцию с Египтом прикрыли.

– Да я в Белоруссию, – за стеклянной стеной в конце коридора мелькнула крепкая фигура Галицкого, и Ганна заставила себя сосредоточиться, чтобы не потерять нить разговора. – В Белоруссию я... На родину родителей.

– В Белоруссию, говоришь? – Гарик вдруг стал неожиданно задумчив. – Это хорошо. Я бы даже сказал, вовремя. Вот что, мать, ты действительно после разговора с Ильей загляни ко мне. Просьба у меня к тебе будет.

– Конечно, – кивнула Ганна, напряженно вглядываясь в неясные тени за далеким стеклом. – Я пойду, Паша. Илья ждет. Неудобно.

– Конечно. Его величество не любит ждать. – В голосе собеседника послышалась насмешка и еще что-то, новое, незнакомое, резанувшее слух. Ганна в недоумении посмотрела на Гарика, но он стоял перед ней такой же, как всегда, улыбающийся и безмятежный. – Ты чего, Ганка?

– Нет, ничего. Я действительно пойду. И потом загляну обязательно.

– Где ты шляешься? Хотя бы раз в жизни ты можешь не заставлять себя ждать? – с грохотом хлопнула стеклянная дверь, по природе своей обычно закрывавшаяся бесшумно, и в коридор вылетел смерч, вихрь, ураган, торнадо по имени Илья Галицкий. Гарик незаметно исчез в своей приемной, как и не было его. Ганна успела кинуть ему вслед молящий взгляд, втянула голову в плечи и покорно пошла навстречу урагану. Его нельзя было отменить или утихомирить. Только пережить. И именно это сегодня предстояло Ганне Друбич.

* * *

В последнее время ему необычайно везло. «Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить». Писатель Вольдемар Краевский, в миру Валентин Ванюшкин, поплевал куда-то в сторону левого плеча, встал с продавленного старого дивана, служившего ему ложем, и довольно потер руки.

Еще совсем недавно его жизненные перспективы выглядели довольно уныло, а сегодня он чувствовал себя победителем, рыцарем без страха и упрека, принцем на белом коне, который может бросить весь мир к ногам влюбленной в него женщины. А может и не бросить. Оставить этот мир себе.

Сама женщина, впрочем, была первым подарком, преподнесенным ему судьбой. Он встретился с ней на книжной выставке, на которые ходил постоянно, растравляя и без того не заживающие раны. Он знал, что пишет глубоко и талантливо, вот только жанр, в котором он творил, сегодня не мог быть оценен по достоинству. В нынешнем жестоком мире, где правит сиюминутная выгода, кому могут быть нужны рассказы о красоте природы?

Вольдемар Краевский считал, что легко может заткнуть за пояс и Михаила Пришвина, и Виталия Бианки. Он был гораздо талантливее, чем эти двое, вот только ему не повезло родиться слишком поздно, в бездушную эпоху, перемалывающую истинный талант в своих неумолимых жерновах.

Именно такими словами «бездушная эпоха», «неумолимые жернова» он и думал, и писал, рассылая рукописи во все мало-мальски приличные издательства страны и с плохо скрываемым бешенством получая отказ за отказом. На книжной выставке он часами бродил между секциями, беря в руки чужие книги в слишком ярких обложках. С его точки зрения, все эти детективы, дамские рассказы, сентиментальную прозу и дурацкое фэнтези ни на минуту нельзя было принять за серьезную литературу. Но все это издавали и, главное, покупали. А он лишь со стороны наблюдал за раздающими автографы популярными писателями, чувствуя себя выброшенным на обочину жизни мешком с тухлым мусором.

– Простите, вы тоже писатель? – Он расслышал не сразу, и женщине, подошедшей откуда-то сзади, пришлось повторить свой вопрос.

Он нашел ее глазами и оценивающе оглядел с ног до головы, поставив мгновенный диагноз: богатенькая стерва, страдающая от скуки и недостатка

мужского внимания. Ей было около сорока, кожа на лице уже начала увядать, и это было видно, несмотря на все предпринимаемые ею косметологические ухищрения.

Вопрос она задала не из пустой вежливости и не потому, что ей было интересно. Вольдемар Краевский был хорош собой и знал это. Высокий, стройный, с густой, хорошо сохранившейся шевелюрой, одетый в безукоризненную рубашку и стильный шейный платок, в тон замшевому пиджаку, он смотрелся элегантно и породисто. О том, что это его единственный приличный пиджак, знать никому не полагалось.

– Писатель? Смотря что вы вкладываете в это слово? – с горечью произнес он, трагически изломив бровь, которой подходил эпитет «соболиная».

– Я вкладываю в это слово изначально присущий ему смысл. Писатель – это человек, для которого литература не пустой звук.

– Вы считаете все это, – он обвел рукой стойки с книгами, – литературой?

– Я – нет, мой муж – да. – Женщина нервно усмехнулась. – Даже не знаю, зачем я сюда пришла. Впрочем, официальная часть давно закончена, так что я могу считать себя свободной. Если вы не против, то давайте продолжим разговор о настоящей литературе в каком-нибудь ресторане.

– Писательство, к сожалению, не подразумевает походов по ресторанам, – чуть конфузливо сказал Вольдемар.

– Ну что вы, это же я вас пригласила. И так как я хорошо знаю изнанку литературы, то можете не сомневаться, деньги на ресторан у меня есть. Так что я вас приглашаю. Кстати, меня зовут Милена.

– А меня Ва... Вольдемар. Вольдемар Краевский.

– Красиво, – оценила женщина и быстро-быстро взяла его под руку. – Я буду звать вас Волик.

Во время обеда в роскошном ресторане Вольдемар, как ни старался, ел жадно и быстро. Ему уже давно не было так вкусно. Его скудный домашний рацион состоял из яичницы и макарон по-флотски. Писательская стезя не приносила ему ни копейки, и, дабы не помереть с голоду, он три раза в неделю ходил на работу, составляя нехитрые тексты в одном из рекламных агентств. И саму необходимость батрачить в столь непристойном месте, и коллег своих он искренне презирал, считая за людей второго сорта. Но унижительная и бессмысленная работенка, позорящая его талант и убивающая призвание, все-таки позволяла оплачивать коммунальные счета и питаться макаронами с тушенкой.

Милена заказала тигровых креветок в итальянском соусе, сырный суп-пюре, огромную, пышущую жаром отбивную на кости и тонкие картофельные палочки, пересыпанные розмарином. Пили они французское красное вино.

После обеда, за который она выложила сумму, которой бы Краевскому хватило, чтобы прожить неделю, Милена, как само собой разумеющееся, сняла номер в гостинице неподалеку. Вольдемар понял, что, если он хочет поймать жар-птицу за хвост, то ему нельзя ударить в грязь лицом, и напярғ все свои возможности, и так очень неплохие от природы. Через два часа он понял, что вытащил-таки свой счастливый билет.

– Сколько тебе лет? – спросила у него томно раскинувшаяся на шелковом белье (номер был из дорогих) Милена.

– Тридцать два, – дрогнувшим голосом признал Вольдемар, решивший не врать ей даже в мелочах. И тут же соврал: – Мы с тобой явно ровесники.

– Мне сорок один, – Милена прикурила какую-то длинную тонкую папироску. Голос у нее после занятий любовью звучал хрипло. – И не ври мне, дорогуща, что ты этого не видишь.

– Мне все равно, сколько тебе лет, – честно признался Краевский. – Мне было хорошо с тобой, и я уверен, что дальше будет только лучше.

За прошедшие с того момента восемь месяцев, он неоднократно убеждался в собственной правоте. Милена постепенно влюбилась в него безоглядно, все чаще заговаривая о том, что согласна уйти от мужа, чтобы остаться со своим

Воликом навсегда.

– Как же это возможно, – заламывал руки он. – Я не смогу сидеть у тебя на шее. Это безнравственно. А мой талант не приносит того дохода, который заслуживает.

– Ты же сейчас сидишь у меня на шее, – философски заметила как-то Милена. – Ты ешь за мой счет, на тебе костюмы, которые я купила. Я оплатила три дня, которые мы провели в Париже. Если тебя это не смущает сейчас, то не должно смущать и потом.

Тонкая душевная организация заставила щепетильного Волика поморщиться. Она не должна была так ясно давать ему понять, что он ничтожество, альфонс, жиголо...

– Я могу не брать у тебя твои подарки, – срывающимся голосом сказал он. – И ты прекрасно знаешь, что мне все равно что есть. Для того, чтобы творить, мне достаточно краюхи черствого хлеба и стакана чистой живой воды. – Про краюху и живую воду он говорил совершенно искренне. – Я, заметь, никогда ничего у тебя не просил. И еще хочу заметить, что если ты уйдешь от мужа, то тоже потеряешь немалые деньги. Ты готова из любви ко мне перейти на воду и черствый хлеб? Если да, то, пожалуйста, можешь в любой момент переехать ко мне. Я люблю тебя, а не твои деньги.

Он знал, что ничем не рискует, говоря так. И в подтверждение его правоты Милена засмеялась.

– Волик, ты великолепен. Неужели ты думаешь, дурачок, что я не позабочусь о том, чтобы мы не голодали? Мой муж при разводе даст мне неплохое содержание, в этом я уверена. Кроме того, дом в Испании оформлен на меня. Думаю, что мы вполне сможем переехать туда, где тепло, где светит солнце и море по утрам доходит до мраморных ступенек лестницы, ведущей из дома на пляж. Мы будем заниматься любовью на песке, пить холодное вино, покупать морепродукты на маленьком базаре, после обеда ты будешь писать свои книги, а я лежать в гамаке и любоваться тем, как ты работаешь. Ты будешь так невообразимо сексуален в широких холщовых штанах и белой рубашке, открывающей загорелую грудь. Боже мой, – ее голос стал хриплым, – иди ко мне, я так хочу тебя...

Вольдемар занимался с ней любовью, но думал лишь о том, что все будет именно так, как она рассказывает. Он слышал шум волн, набегающих на прогретый на солнце мрамор, крики чаек, гудки далеких кораблей. Он ощущал вкус терпкого виноградного вина на своих губах, видел падающие на песок листы рукописи, которая обязательно войдет в историю как бессмертный литературный шедевр, аналогичный творениям Хемингуэя. Голова у него сладко кружилась, он забился в экстазе захвативших его эмоций, и под ним так же забились, закричала протяжно, с воем, Милена.

Вспоминая эту минуту, Вольдемар Краевский хищно улыбнулся и, накинув банный халат, направился на кухню, варить себе первую за сегодня чашку кофе. Будучи кофеманом со стажем, он еще совсем недавно мог позволить себе лишь три чашки в день, да и то выбирал в магазине самый дешевый. Теперь он покупал зерна самых дорогих сортов, молот их в ручной кофемолке, варил в медной турке, позволяя себе священнодействовать с любимым напитком минут по тридцать, не меньше, и пил его столько раз в день, сколько душа просила.

Их отъезд в Испанию был делом решенным. Через пару дней самолет унесет его на средиземноморский берег, и мрачная, унылая, кризисная Москва останется позади. Милена решила, что сообщит мужу о разводе уже оттуда. Она была уверена, что противиться он не станет, как и выяснять, кого именно нашла ему на замену неверная супруга. Этот аспект был важен, поскольку на Милениного мужа у Вольдемара Краевского тоже были серьезные планы. Первые шаги в нужном направлении уже были сделаны, об этом тоже позаботилась Милена, готовая воплощать любые капризы своего любовника.

Краевский оттянул халат и с усмешкой посмотрел на свой вяло поникший в данный момент знак мужского достоинства. Кто бы мог подумать, что к славе и богатству Вольдемара приведет именно он. Было в этом что-то унижительное, но ради будущей славы и богатства Краевский был готов вытерпеть такое малое и в общем-то приятное унижение.

Настроение у него было просто отличным. Теперь он точно знал, что ему не придется терпеть нимфоманку Милену до конца своих дней. Она увезет его в Испанию, разведется с мужем, они поженятся, он станет совладельцем ее роскошного дома, издаст с ее помощью несколько своих книг, получит мировую известность, а затем бросит ее и заживет своей жизнью, в которой будет много двадцатилетних красоток с упругой попкой и высокой грудью, не то, что у этой старухи.

Если бы не обещание издать его книги, он бы бросил ее уже сейчас, с внезапно подвалившими ему деньгами он вполне мог от нее не зависеть. Но книги... И дом на море... И незнакомый язык, который еще предстояло выучить... Нет, надо потерпеть еще годик.

Вольдемар снял турку с огня, открыл дверцу шкафчика, вмонтированного в стену под окном, и открыл вытасенный оттуда небольшой чемоданчик. Как там писали Ильф и Петров? «Бриллиантовый дым поплыл по зачумленной дворницкой», заставив его зажмуриться. Нет, ему точно везет. Помимо «золотой рыбки» Милены, ему посчастливилось получить еще и это...

Что сказал тот человек, которому он это показал? Миллион долларов, не меньше. Что ж, чтобы не тащить милую безделицу через границу, он продаст свою находку с дисконтом процентов в тридцать. При наличии дома и при издании рукописей, ему хватит этих денег до конца дней. В Испании жизнь недорогая, а он непривередлив.

Глянув на часы, Вольдемар, не спеша отправился одеваться. Покупателя такого уровня негоже встречать в халате. Как раз и кофе остынет до той температуры, как он любит. Вольдемар Краевский надел белоснежную сорочку, повязал неизменный шейный платок, застегнул кожаный пояс, вдетый в безупречные слаксы, и со вкусом выпил последнюю в своей жизни чашку кофе.

Раздавшийся звонок заставил его улыбнуться. Все складывалось хорошо, просто отлично. Поглядев для верности в глазок, он удивился, но все-таки открыл дверь. Пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, отбросила его к стене. Убийца зашел в квартиру, аккуратно закрыл за собой дверь, кинул ставший ненужным пистолет в сторону трупа и, подтянув латексные перчатки, начал методично обыскивать квартиру. То, что ему предстояло найти, точно находилось здесь, но нужно было поторапливаться, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Глава третья

Страсть в письмах и наяву

Обсуждение верстки и планы по маркетинговому продвижению новой книги Ганны Друбич прошло быстро. Галицкий в делах был стремителен, пустой траты времени не признавал, вопросы задавал четко, а Ганна, ценившая такой стиль работы, отвечала на них быстро и по-деловому. Работать с Галицким ей нравилось.

Обсудив все вопросы, в том числе и финансовые, которых Ганна всегда стеснялась, Галицкий откинулся на спинку стула и жестом подозвал официантку. Естественно, что встреча, как всегда, происходила в ресторане на первом этаже.

- Что будешь? - спросил он. - Еще кофе, или пообедаем?

- Да рано вроде для обеда, - усомнилась Ганна, посмотрев на часы. - Полдвенадцатого всего.

- У тебя в твоём Тьмутараканске обед в полдень, думаешь, я не помню? - поддел он ее. - А у меня в час встреча важная, решили с партнерами в Берлине свой магазин открыть, все на мази, последние приготовления, вот, будем обсуждать. А потом я к маме обещал заехать. Завтра с утра в Питер выдвигаюсь, так что сыновний долг отдать нужно перед длительными праздниками. - Он улыбнулся, нежно-нежно, и у Ганны немного в груди защемило. Она знала, как Галицкий предан своей маме, хоть и пытается скрыть свою нежность под легким налетом иронии.

- Давай пообедаем, - согласилась она. Во-первых, спорить на пустом месте не хотелось, а во-вторых, действительно надо поесть. Времени до поезда еще навалом, идти некуда, а просто шляться по улицам нет настроения, несмотря на то, что погода отличная.

Ганна не любила Москву. Слишком шумно ей было, слишком суетно, слишком тревожно. По московским улицам она ходила, как по захваченному врагами городу. Быстро, короткими перебежками, озираясь, опустив глаза в серый асфальт и прижав к себе сумку с деньгами и документами.

Подбежала официантка. Не глядя ни в меню, которое он знал наизусть, ни на Ганну, Галицкий быстро сделал заказ, и Ганна невольно отметила, что он не

забыл ее вкусов. Солянка, креветки с рукколой и помидорами черри, семга на гриле с тушеными овощами, грейпфрутовый сок.

– Вино будешь? – спросил он мимоходом, и Ганна, закусив губу, отрицательно покачала головой, думая о том, как же она его когда-то любила.

С Ильей Галицким она познакомилась десять, нет уже двенадцать лет назад. Он открывал тогда в ее родном городе свой книжный магазин, и Ганну ему порекомендовали как сильного специалиста по маркетингу и пиару. То есть, когда он написал ей письмо с предложением о сотрудничестве, она и понятия не имела, что этот магазин его, приняла за наемного менеджера, налаживающего коммуникации, а так как общался Галицкий в присущей ему манере – резкой, практически граничащей с хамством, то отказала она легко и непринужденно.

Тогда ее потребность в деньгах не была такой насущной, как сейчас. Двадцатичетырехлетняя Ганна жила одна в доставшейся ей по наследству двухкомнатной квартире, зарплату тратила на одежду и развлечения, до коих была неприхотлива, питаться бегала к маме, так что могла себе позволить быть разборчивой в плане выбора работодателей.

На письмо Галицкого она ответила вежливым отказом и тут же забыла о нем, закружившись в водовороте бурного романа с одним из местных художников. Роман только начинался. Художник был молод, голоден, в меру оборван и достаточно талантлив, чтобы вызвать ее интерес. Ганна тоже была молода, любопытна и по-щенячьи счастлива.

Полгода спустя она затеялась поздравлять знакомых с Новым годом. Смастерила красивую компьютерную открытку, которые тогда воспринимались еще как диво дивное, и стала рассылать поздравления по имеющимся в ее почте электронным адресам, придумывая для каждого контрагента свое текстовое послание. Уже тогда она не любила мыслить шаблонно.

В почте нашелся адрес Ильи Галицкого, и Ганна долго не могла вспомнить, кто это такой и откуда он взялся. В голове смутно всплывали обрывки несвязных мыслей про книжный магазин, кампанию продвижения и что-то резкое, не понравившееся ей, вызвавшее отторжение.

Позже она и сама не могла объяснить, почему тогда написала письмо незнакомому, да вдобавок еще и неприятному ей человеку, а в письме шутовское поздравление с пожеланием исполнения самых тайных желаний. Он ей ответил, и между ними завязалась переписка, которую до сих пор тридцатишестилетняя Ганна считала самым волнующим приключением в своей жизни.

Да, в ее биографии был свой роман в письмах, и в умении их писать Илья Галицкий ничуть не уступал ни Отто Юльевичу Шмидту, ни Петру Ильичу Чайковскому, ни генералу Колчаку. Письма, пусть даже электронные, были искренними и нежными, честными и чистыми, они заставляли сердце колотиться, а кровь быстрее течь по венам. Домашнего компьютера у Ганны тогда не было, и каждое утро она бежала на работу, заставляя себя хотя бы для приличия дотерпеть до семи утра.

В почте, в которую она заходила с замиранием сердца, ее уже ждало письмо. Первое, в бесконечной череде электронных сообщений. Она вчитывалась в строчки, улыбалась, вытирая набежавшие слезы, и писала ответ, оттачивая стиль и обдумывая каждое слово. Нажатие кнопки «отправить» словно наполняло день новым смыслом – ожиданием ответа. И он приходил, принося новые ощущения. За день они обменивались полутора десятками писем, и каждое новое было не похоже на предыдущее. Он писал ей даже ночами. И иногда, ворвавшись поутру в свой рабочий кабинет, она находила не одно, а два или даже три ночных послания.

Она не знала, ни кем работает этот удивительный мужчина, ни сколько ему лет, ни как он выглядит. Ей почему-то даже не приходило в голову ввести его имя в поисковую систему и, что называется «погуглить». В ее выдуманном мире он не ассоциировался с богатством, известностью, славой. Это был ее Илья Галицкий, чей душевный камертон был настроен в унисон с самыми тайными струнами ее души. Ей было хорошо с ним, и она была уверена, что он тоже ценит их тайную переписку, их неожиданное ментальное родство.

Иногда Ганна уезжала в командировку по районам родной области, и эти дни становились настоящим испытанием, потому что не были наполнены ИМ. Его мыслями, его чувствами, его словами, которые она нанизывала на нитку воспоминаний как маленькие жемчужинки.

У него были свои, им придуманные словечки, которые принадлежали только им двоим. По ночам, лежа на неудобной гостиничной кровати без сна и мечтая,

чтобы командировка поскорее кончилась, Ганна перебирала в уме ласковые «чунька», «лапатуська», «панна – Ганна», «папялушка», что по-белорусски означало Золушка, «мазалька», от еврейского «мазаль» – счастье.

Собирая свою коллекцию, она даже не заметила, как потух, а потом совсем угас роман со скучным, предсказуемым, ненужным ей художником, как отошли на задний план подруги и собственные интересы, еще вчера казавшиеся важными и незыблемыми.

Возвращаясь из командировок, она всегда находила не меньше трех десятков его писем, которые он отправлял, даже зная, что она уехала, что не прочтет, не ответит. Он беспокоился, не холодно ли ей, не устала ли она, смогла ли поесть вдалеке от дома. Казалось, он думал о ней всегда, и от понимания этого у нее внутри все переворачивалось. Никому и никогда она не была так нужна и важна, кроме родителей.

Между ними не было запретных тем. Они обсуждали литературу и искусство, моду и секс, отношения с детьми (впрочем, в этой теме Ганна была на тот момент несильна), политику, экономику, финансы, кулинарные рецепты, маркетинг и пиар, виндсерфинг, погоду и возможность падения Пизанской башни.

Илья не требовал фотографий, но как-то попросил описать свою внешность, и Ганна честно ответила, не приукрашивая себя ни на йоту. Невысокая, полненькая, волосы темно-русые, густые, прямые, в распущенном виде до середины спины. Лицо правильное, но ничего выдающегося, если, конечно, не считать довольно больших глаз. В общем, не уродина, но и не красавица. Среднестатистическая девушка из российского областного центра. Больше к вопросу о ее внешности они не возвращались.

В фантазиях, которые приходили к ней по ночам, она представляла себе Галицкого высоким спортивным, коротко стриженным, активно занимающимся спортом менеджером средней руки, года на три-четыре старше ее, конечно же неженатый. Не может же женатый человек по ночам писать письма своей виртуальной возлюбленной, тем более такие – то романтические, то полные скрытой страсти.

«Ты снилась мне сегодня, – писал он как-то. – Я стоял перед тобой коленопреклоненный, обхватив руками твои бедра, и целовал колени – пухлые, в ямочках. На тебе не было ничего, кроме туфель на шпильке, и я поднимался губами все выше и выше по твоей атласной коже, и проснулся от того, что больше не мог терпеть сумасшедшее желание, и вдруг оно как-то враз кончилось, и я понял, что лежу в луже, словно подросток».

Ганна чуть заметно шевелила губами, читая и перечитывая эти строки, и закрывала глаза, представляя его перед собой, и тоже ерзала в кресле от того, что нестерпимо захотела ощутить все то, о чем он писал – его губы на внутренней стороне своих бедер, его руки, обхватившие попку, его горящие от желания глаза. Ерзала и даже стонала тихонько, в надежде, что не слышат коллеги. Они и так в последнее время смотрели на нее, как на полоумную.

Ей ужасно хотелось узнать, как он все-таки выглядит, и она в очередном письме спросила об этом.

– Нет ничего проще, – ответил он. – Забей меня в «Яндекс» и посмотри.

Даже тогда она ничего не заподозрила. Открыла поисковик, вбила туда волшебное имя Илья Галицкий и уставилась в открывшиеся строчки, как коза на новые ворота.

Книгоиздатель, владелец сети книжных магазинов в России и странах СНГ, успешный ресторатор, основатель фирмы, торгующей элитным табаком, тридцатисемилетний миллионер, чуть-чуть не дотягивающий до российского списка Форбс. С многочисленных фотографий ей улыбался холеный, элегантный, не очень красивый, но уверенный в себе и жутко привлекательный мужчина, похожий то ли на тигра, то ли на гепарда. Хотя нет, он был похож на снежного барса и прекрасно знал о своем сходстве с этим редким зверем, иначе не назвал бы свое издательство «Ирбис». Он вообще все знал, и о себе, и о других, и вообще о жизни, в которой не было и не могло быть места провинциальной простушке Ганне Друбич.

Она затихла, затаилась, перестала отвечать на его письма, и он разыскал ее по рабочему телефону, потому что был настойчивым и добивался всего, что считал для себя нужным. Так впервые она услышала его голос. Чуть хрипловатый,

низкий, богатый обертонами, с чуть протяжной манерой произношения.

Этим голосом он уверял ее, что ничего не случилось, и что он – такой же, как и прежде, до того, как она узнала о нем правду.

– Нет, ты не понимаешь, ты не тот, каким я тебя придумала, – отбивалась Ганна, отчаянно жалея себя. – Я общалась с каким-то другим Ильей. Потому что я не умею общаться с миллионерами.

– Ты общалась со мной, – мягко уверял он ее. – И это было любопытно, волнующе и искренне. Ты общалась с человеком, а не миллионером. И я буду крайне тебе признателен, если именно человека ты будешь видеть во мне и впредь.

Их переписка возобновилась, и теперь он советовался с ней, спрашивал ее мнение в вопросах, касающихся бизнеса, иронично рассказывал о друзьях и партнерах, с нежностью про маму, с болью про сына, который жил вдали от него после развода.

Да, теперь Ганна знала, что Галицкий разведен. Его бывшая жена жила в Питере, и он иногда ездил туда по выходным, чтобы повидать сынишку, по которому скучал.

Они переписывались в общей сложности полгода, а потом впервые встретились лицом к лицу. Ганна вынырнула из своих воспоминаний и с недоумением посмотрела на Илью, который, оказывается, что-то ей говорил.

– Что? – спросила она, растревоженная непрошеными воспоминаниями.

– Ганна, нельзя все время витать в облаках, – чуть рассерженно сказал он. – Ты меня что, совсем не слушала?

– Нет, – призналась Ганна, привычно ощутив собственное несовершенство. – Извини, Илья, я задумалась.

– Задумалась она, – проворчал он. – Ты совершенно невыносима. Бабе скоро сорок лет, а она не понимает, что недопустимо вести себя так в присутствии мужчины.

– Мне тридцать шесть, – с показным спокойствием сообщила Ганна. Все-таки Галицкий обладал потрясающей способностью выбивать ее из состояния равновесия. Талант у него такой, что ли. – Если тебе нетрудно, то повтори, что ты спросил. Впредь я постараюсь быть более внимательной.

Он не успел ей ответить, потому что их разговор прервал телефонный звонок. Илья посмотрел на экран, поморщился и сбросил звонок.

– Поклонницы одолевают? – насмешливо спросила Ганна.

– Нет, это другое. – Его совершенно не задела ее язвительность. – Одна полоумная девица из провинции решила сыграть в детектива и пытается втянуть меня в разборки с тайнами, интригами и расследованиями.

– Может быть, стоит? Вдруг она не полоумная...

– Да ерунда, – Илья махнул рукой. – Гарик разберется. Давай-ка продолжим наш разговор. Я спросил, не вскружило ли тебе голову бремя славы? А то так зазнаешься, что тебя и покормить в простом ресторане будет нельзя.

– Ты с ума сошел? – Ганна искренне расхохоталась. – Какое бремя славы? Оно существует только в твоём воображении. И вообще, то, что ты меня с какого-то перепугу издаешь, вовсе не означает, что люди кинутся меня читать.

– Слушай, вот мне даже интересно, ты действительно не понимаешь, что хорошо пишешь? – прищурился Галицкий, и по этому прищурю она узнала его того, десятилетней давности. Она и забыла уже, как умело он преломляет широкую ровную бровь, умеющую выражать самые разные эмоции. – Нет, вот ты мне скажи, ты всерьез не понимаешь или придуливаешься, как все бабы?

– Я не все бабы, – огрызнулась Ганна. – И что я такого должна понимать?

– С ума сойти, – голос Галицкого звучал совершенно искренне. – Вчера я ездил на сборище полоумных чудаков, каждый из которых убежден в своей гениальности. Я почти час потратил на графомана, убежденного, что именно он принесет славу современной русской литературе, хотя в его текстах, которые я имел несчастье слышать, звучали перлы типа «северный ветер ласкал свежую листву южной

рощи» и «сопрано пасущихся коров вкупе с петушиным воем, пушистым облаком обволакивали огромные просторы, усеянные, как несозревшими горошинами, расхристанными избушками с яростно торчащими из них столбами дыма...»

– Куда ты ездил? – спросила потрясенная Ганна, зная, что Илья никогда не изменяет своим то ли привычкам, то ли причудам и не ездит ни на какие встречи, тем более с чудаковатыми графоманами.

– В районную библиотеку на встречу с писателями, – признался он, чувствуя себя идиотом. – А все Гарик, будь он не ладен. Подсунул мне этого, с напористым коровьим сопрано... Сказал, что автор стоящий и что я просто обязан на него посмотреть в деле. И чего я, дурак, повелся, спрашивается... А ты действительно талантлива, Ганка. Тебе просто надо немножко поверить в себя, немножко в меня и еще совсем чуть-чуть в удачу.

Ганка... Последний раз он ее так называл десять лет назад. У Ганны, сильной, самостоятельной, железной Ганны вдруг даже слезы навернулись на глаза от этой неожиданности.

– Ну что ты, Мазалька, – Илья смотрел ласково и нежно, как когда-то. Так умел смотреть только он.

Ганна проглотила ком в горле и только собралась ответить, как у Ильи снова зазвонил телефон.

– Да, Милена. – По моментально изменившейся интонации Ганна поняла, что Галицкому звонит жена. Очарование момента рассеялось, слезы пропали, как и не было. Перед Ганной сидел жизнелюб, ловелас, бабник Илья Галицкий, надежно и прочно женатый. И с этим человеком у нее не могло быть больше ничего общего, разумеется, кроме книг. И сына.

– Подожди, Милена. – Голос его снова изменился, теперь в нем слышалась растерянность и, пожалуй, тревога. – Ты о чем вообще говоришь? Какое отношение к тебе имеет Вольдемар Краевский?

Выслушав ответ, он отключил телефон, бросил его на стол и сильно растер лицо ладонью.

– Что-то случилось? – аккуратно поинтересовалась Ганна, которая умела не думать о глупостях, когда происходило что-то действительно важное.

– Сам не знаю. – Он все тер и тер лицо. – Тот незадачливый писатель, с которым я вчера встречался... Его зовут Вольдемар Краевский. Моя жена только что сказала, что приехала к нему домой, потому что он – ее любовник, и нашла его убитым. Она утверждает, что это я его убил. Ты извини, Ганка, но мне нужно ехать, пока она там не влипла в неприятности.

Эта женщина всегда кидалась его защищать. Только она понимала, что на самом деле он раним, что под толстой гладкой шкурой готовящегося к прыжку снежного барса скрывается чувствительная натура, которую нужно оберегать, холить, лелеять и просто любить. И что с того, что они расстались десять лет назад? Кстати, зачем они тогда расстались?

– Я с тобой, – вставая из-за стола, заявила Ганна Друбич.

* * *

Мечь – это блюдо, которое подают холодным. С этим Алеся Петранцова была согласна на все сто процентов. До отхода полоцкого поезда, который отвезет ее домой, оставалось еще больше шести часов, настроение у Алеси было подавленным, поэтому она пристроилась за угловым столиком в ресторане, удобно стоящем наискосок от Белорусского вокзала, сделала первый попавшийся заказ, главным критерием которого была небольшая цена, и невидяще уставилась в мутное, давно немытое окно, обдумывая план мести.

В Москву она приехала сразу с двумя целями, причем первая была благородная, а вторая – древняя, как мир. Человек, который должен был встретить ее у вагона, непременно с розами в руках, как ей это виделось, на вокзал почему-то не пришел. Алеся снова и снова набирала номер его мобильного, но абонент упрямо находился вне зоны действия сети.

Она поехала к нему на работу, потому что больше было некуда, но там его не оказалось. Это было совершенно необъяснимо, потому что на работу он ходил всегда. Не было для него ничего в этой жизни важнее. Именно поэтому Алеся, отправляясь в Москву, была уверена, что к ее информации он отнесется со всей

серьезностью. Отнесется, разберется и строго накажет виновных. В крутости его характера она не сомневалась.

По крайней мере, когда она звонила ему из дома, его явно заинтересовали ее слова. Он обещал приехать и во всем разобраться, но она не хотела ждать, поэтому быстро собралась в Москву, захватив с собой документы, подтверждающие ее правоту. Алеся очень старалась не подвести этого человека. Она любила его со всем пылом молодой, уставшей от одиночества и вечного безденежья женщины. Он был удачлив, хорош собой, щедр на ласки и те атрибуты любовных отношений, о которых мечтают девушки, – холодное шампанское с клубникой в ночном парке, цветы по поводу и без, восторженные взгляды, горячие поцелуи и безудержный секс на берегу неспешной реки, в тени старой, практически вековой липы, когда кровь горячит опасность в любую минуту быть замеченными.

В ее родной Витебск он вместе со своим компаньоном приезжал в командировку. Тогда они и познакомились, практически случайно, но эта встреча перевернула всю Алесину жизнь. Это девушка знала абсолютно точно. Потом они приезжали снова, и вместе, и порознь, и каждый раз Алесю ждали безумные ночи, о которых она с тоской вспоминала затем долгие месяцы разлуки.

На самой заре их романа она однажды приехала к нему в Москву, представляя, как он будет водить ее по ресторанам и ночным клубам, возить по ночной столице и проводить с ней рядом каждую свободную минуту. По крайней мере, в Витебске все было именно так. Она не учла, что в Москве он будет вынужден прятаться от жены и возможной встречи с общими знакомыми, а потому снимет ей гостиницу, в которой она просидит взаперти трое суток. Конечно, он приезжал к ней каждый день, но урывками, тайком, ненадолго, и она решила больше не ездить в российскую столицу, чтобы душу не разъедало разочарование. В Витебске он был ее, а здесь – чужой.

Алеся нарушила данное самой себе обещание только из-за того, что им с партнером угрожала реальная опасность. Она приехала в Москву, чтобы отвести от них двоих беду, но ее душевного порыва никто не оценил. Ее предали. Бросили. Кинули. Извозили в грязи. Ткнули мордой в стол.

Вспоминая унижительный разговор, который у них состоялся, когда телефон пикнул, сообщая, что абонент снова в сети, девушка вздрогнула, хотя в кафе было тепло, практически жарко. Он не пожелал с ней встретиться и посмотреть

бумаги, которые она привезла. Он сказал, что между ними все кончено, и что она больше никогда-никогда не должна ему звонить и вообще попадаться ему на глаза. А если она нарушит его запрет, то он ее просто убьет. Вот как он сказал.

Немного отойдя от первого шока, она попыталась позвонить ему снова. Напомнить, что приехала сюда не просто так, а по делу, но он даже слушать ее не стал. Скинул ее звонок, как нечто не стоящее внимания. Его партнер тоже оказался не лучше. Ну что ж, ладно. Она больше не будет навязываться со своей любовью и со своей помощью. Пусть расхлебывают сами. А ей их ни капельки не жалко. Вот только...

Алеся уставилась в пустую тарелку, понимая, что за раздумьями машинально доела все до крошечки, совершенно не чувствуя вкуса. Она должна была решить, что ей делать дальше. Информация, которой она обладала, стоила денег. И раз уж не получилось положить ее, как бесценный дар, к ногам любимого человека, значит, она попробует ее продать. «Я не нашла любви, так буду искать золота...» Кажется, так говорила Лариса Огудалова, самая знаменитая «бесприданница» России. Что ж... Алеся Петранцова пойдет по тому же пути.

Приняв решение, она успокоилась настолько, что заказала себе мороженое и кофе. Если нет больших радостей, приходится баловать себя малыми.

Конечно, взять деньги за молчание и позволить разорить своего возлюбленного – предательство. Но ее только что предали. А месть – это блюдо, которое подают холодным. Она бы очень удивилась, если бы узнала, что воплощать планы мести в жизнь сегодня принялась не только она.

Глава четвертая

Возвращение в прошлое

Ганна сидела в купе и смотрела, как за окном поезда мелькают деревья. На улице стремительно темнело, и пейзаж становился размытым, туманным, теряющим очертания, а потом и вовсе пропал, поглощенный наваливающейся

ночью. Ехать никуда не хотелось. Желанный и продуманный до мелочей отпуск теперь казался лишним и ненужным, и Ганна села в поезд лишь по привычке всегда доводить до конца намеченные планы.

Впрочем, не только из-за этого. Она понимала, что уехала еще и потому, что Илья практически силой отправил ее на вокзал.

– Вот только это мне и надо, чтобы еще и ты путалась под ногами, – сказал он, и она, услышав лишь то, что путается у него под ногами, моментально расстроилась, оскорбилась и послушно села в вызванную им машину. Ну что ж, раз она лишняя в его жизни и ему только мешает, значит, так тому и быть. Отпуск так отпуск.

В глубине души она знала, что на самом деле и в отпуске сможет ему помочь, потому что собиралась навестить именно тот город, откуда был родом писатель Вольдемар Краевский. Так уж вышло, что Ганна знала его с детства. Вернее, она помнила избалованного до невозможности Вальку Ванюшкина, чей дом стоял в одном дворе с домом Ганниной бабушки.

Теплых отношений между соседями не было. Бабушка Вальки, которую Ганна знала как мадам Щукину, была женщиной завистливой и скандальной. Между ней и бабушкой Ганны соблюдался военный нейтралитет, иногда все-таки нарушаемый из-за всяких мелочей. Дед, которого Ганна обожала, косил траву во дворе, и мадам Щукина тут же устраивала скандал, что вовсе не собиралась лишаться ароматного газона, и ей трава на ее половине двора была дорога как память. В следующий раз дед выкашивал двор ровно до середины, и мадам Щукина разорялась, что проклятые единоличники Друбичи думают только о себе, а не о людях.

Прозвище ей придумал Ганнин папа, оно прилипло намертво, и больше никто никогда не звал Щукину иначе, хотя у нее, несомненно, были имя и отчество, которых маленькая Ганна даже не знала.

Муж Щукиной сгинул на войне. Она одна тянула двоих детей – старшего лоботряса, горького пьяницу и бездельника Владимира, получившего от того же Ганниного папы прозвище Вольдемар, и младшую дочь Наталью, разведенку, воспитывающую сына Вальку. На лето мальчика сбегивали на руки бабушке, чтобы Наталья могла предпринять очередную попытку устроить свою личную

жизнь. Приезжающая к своей бабушке на лето Ганна тут же становилась удобной мишенью для его каверз.

Валька был на четыре года младше ее, что давало повод для постоянных призывов мадам Щукиной не обижать «малыша» и «сиротку». И Ганна оставалась совершенно незащищенной перед подбрасываемыми ей на колени пауками и дохлыми мышами, потому что жаловаться не любила. Один раз, когда Валька без спросу изрисовал ее мелки, позабытые на деревянном крыльце, она, рассердившись, дала ему в лоб, и он с ревом побежал домой, потому что, в отличие от нее, жаловался всегда, и мадам Щукина больно схватила Ганну за руку, и стучала согнутым указательным пальцем, твердым, словно костяным, по ее лбу, вбивая науку не трогать поганца Вальку ни при каких обстоятельствах.

В общем, Вальку она терпеть не могла, мадам Щукину не любила, а вечно пьяного Вольдемара просто боялась, потому что тот шатался по двору, горланя песни, ругался матом и плотоядно улыбался, разглядывая кругленькую, рано налившуюся соками Ганну. Была у соседа смешная привычка. Чуть хромоватый, он, когда стоял, постоянно переминался с ноги на ногу, словно танцевал. И в этом беззвучном полутанце Ганне всегда чудилось что-то неприятное, даже страшное.

Лишь однажды Ганна видела своего тихого интеллигентного деда в ярости. Вернувшись на обед, а он всегда приходил обедать домой, поскольку жили Друбичи недалеко от редакции районной газеты, где дед был обозревателем, он случайно услышал пьяные Вольдемаровы фантазии на тему того, что он с удовольствием сделал бы с Ганной, оставшись с ней наедине.

Дед, никогда не повышавший голос, вдруг будто бы стал выше ростом, и из тихого скромного журналиста на глазах у изумленной Ганны превратился в военного офицера, служившего когда-то в полковой многотиражке и своими руками зарезавшего двух японцев, ворвавшихся к ним в редакцию. Протрезвевший от ужаса Вольдемар сначала пролетел через весь двор, головой впечатавшись в бетонное основание колодца, потом униженно заползал на коленях, вымаливая прощение и обещая никогда больше не разевать свой поганый рот, а потом был милостиво отпущен домой с дедовым напутствием:

– Еще раз увижу тебя во дворе одновременно с ней, – он ткнул пальцем в стоящую столбом Ганну, – убью!

И пошел в дом, отпаиваться валокордином. Событие отчего-то не стало поводом для нового витка войны между соседями, которая просто переросла в холодную вражду. Друбичи, увидев мадам Щукину, вежливо здоровались, та кивала головой, стискивая зубы. Вольдемар прошныривал по двору бледной тенью, пил больше прежнего и зимой чуть не замерз под забором. Зима в том году выдалась в Лепеле необычайно суровой.

В последний раз Ганна видела Вальку Ванюшкина больше двадцати лет назад. Сначала она перестала ездить к бабушке с дедом на каникулы, предпочитая пионерские лагеря, где было весело и интересно, а потом родители забрали их к себе, потому что дед заболел, и ему требовался уход. Дом в Лепеле продали, в городе, в котором жила Ганна, купили двухкомнатную квартиру, и именно в ней и стала жить Ганна после того, как бабушки с дедом не стало.

Как ни странно, войдя в Валькину квартиру вслед за Галицким и увидев тело на полу, Ганна сразу его узнала. У убитого мужчины был Валькин чуб надо лбом, и вообще это был Валька, превратившийся в достаточно красивого, хотя, на вкус Ганны, слишком слащавого мужчину, да к тому же еще и ставшего писателем. Вольдемар Краевский. Она усмехнулась про себя, хотя ситуация вовсе не располагала к веселью. По иронии судьбы в качестве творческого псевдонима Валька выбрал прозвище своего дяди, данное отцом Ганны, и взял фамилию от названия лепельской многотиражки, в которой много лет работал Ганнин дед. После распада Советского Союза газета называлась «Родной край».

Убитый Валька лежал навзничь в прихожей, а в удивительно загаженной комнате, в которой, похоже, почти год никто не делал уборку, вжавшись в подоконник, стояла красивая, холеная, рыдающая в голос женщина – третья супруга Ильи Галицкого.

Жена Галицкого. Прошлое настигло, накрыло с головой. Ганна будто снова вернулась на одиннадцать лет назад, в тот день, когда она впервые увидела Илью. В Москву ее отправили в командировку, и она, отчаянно боясь, написала ему письмо, что скоро окажется в столице. Короткий ответ пришел незамедлительно: «Давай встретимся».

Все время до отъезда Ганна судорожно пыталась придумать повод, чтобы уклониться от встречи. Ей было очень страшно. Общаться с миллионером Галицким на расстоянии – это одно. А предстать пред его светлые очи вживую – совершенно другое. От переживаний Ганна похудела килограммов на пять, с нее

сваливалась одежда, но такой, постройневшей и похорошевшей, она нравилась себе в зеркале гораздо больше, что, впрочем, не вселяло в нее ни малейшей надежды на то, что и Илье она понравится.

Собирая чемодан, Ганна всю голову сломала, что ей надеть. Она достала из шкафа новенький облегающий корсет, который, надетый поверх шелковой красной блузки, красиво облегал грудь и талию и притягивал взгляд. С другой стороны, в восемь утра сойти с поезда этакой горячей штучкой, готовой к первому свиданию? Нет, не хочется.

Если бы не встреча с Галицким, который пообещал ждать ее на вокзале, то она натянула бы привычные джинсы и легкую футболку, но не решит ли он, что ей все равно, какое она произведет впечатление? В конце концов, Ганна выбрала длинную, струящуюся по бедрам цветастую юбку и легкую белую кофточку с круглым воротничком. Так она выглядела невычурно и аккуратно.

Сойдя на перрон, она была близка к состоянию обморока. Если бы можно было остаться в вагоне, не делать шаг навстречу будущему, то Ганна осталась бы обязательно. Однако затягивать встречу с неведомой опасностью ей было несвойственно, поэтому она резко выдохнула и вышла из поезда. Чья-то крепкая рука перехватила ее чемодан.

Он был красивее, чем на фотографиях. Открытое лицо с прямым носом, немного узковатый подбородок, придающий очертаниям что-то неправильное, но необычайно притягательное. Глаза светло-зеленые, с каким-то едва уловимым желтым оттенком, и, именно увидев их в первый раз, Ганна решила, что Галицкий действительно похож на снежного барса. Она моментально почувствовала собственное несовершенство, ступсевалась и, кажется, даже покраснела.

– У тебя такие бедра, – сказал он, и Ганне показалось, что она ослышалась. – Это просто потрясающе. Ты уверена, что никогда не рожала?

За последующие два часа, которые они провели в дорогом ресторане, куда заехали позавтракать, он не раз и не два ставил Ганну в тупик своими замечаниями, находящимися, по ее мнению, на грани приличия. Она мучилась, ела, не ощущая вкуса, тосковала, что ее прекрасный роман в письмах окончен, ужасалась масштабу обманутых ожиданий и считала минуты, чтобы вежливо

попрощаться и попросить отвезти ее в гостиницу.

– Пойдем, – сказал он и, не допив кофе, встал из-за стола. Ганна поняла, что аудиенция окончена.

Из чистого упрямства она все-таки допила кофе, который плескался у нее в чашке, царственно отложила в сторону салфетку и поднялась. Ей казалось, что грохот ссыпавшихся с ее колен осколков мечты слышен даже на кухне, и на этот звук сейчас прибегут повара с поварятами.

Ганна подняла голову и прошествовала по ресторанной зале на выход. Лестница на первый этаж была достаточно крутой, спускалась она по ней, придерживая длинную юбку руками, поэтому не очень удивилась, когда идущий следом Галицкий, взял ее под локоть. Но вот дальнейшее повергло ее в немалое изумление. Развернув Ганну лицом к себе, Галицкий принялся жадно ее целовать.

– Что вы себе позволяете? – в гневе пыталась закричать она, но только жалобный писк вырвался из ее горла, которое ласкали твердые, явно умелые пальцы.

– Позволь и ты себе то, что хочешь, – ответил он, подхватил ее на руки, отнес в машину и увез в гостиницу, из номера которой они вышли лишь на утро следующего дня. Ганна уже не помнила, в какой момент этого длинного дня, перешедшего в безумную ночь, она узнала, что Галицкий женат во второй раз, и у него есть второй сын, которому только-только исполнилось три года.

Это известие ошеломило ее. Ганна никогда и ни при каких обстоятельствах не встречалась с женатыми мужчинами. Измена жене воспринималась ею как подлость, а она старалась не иметь дела с подлыми людьми. Мужчина, обманувший жену с ней, Ганной, рано или поздно должен был обмануть и ее тоже, а становиться добровольно обманутой она не хотела и считала это глупостью и слабостью. Сказанная Галицкому позиция вызвала его искренний смех.

– Глупости это все, Мазалька, – сказал он, отсмеявшись. – Жизнь гораздо сложнее твоих прямолинейных представлений о ней. Брак – это обязательства двух людей друг перед другом и перед общими детьми. И к этим обязательствам

любовь не имеет ровным счетом никакого отношения. Любой человек имеет право быть счастливым, если от этого никому не больно. От моей жены не убудет от того, что я сегодня люблю тебя до утра. А тебе нет никакого урона от того, что где-то на другом конце Москвы спит моя жена.

Это «люблю тебя до утра» резануло слух так больно, что даже искры из глаз посыпались. В то время Ганна даже не думала о том, что когда-то станет писательницей, но литературное чутье у нее было и фальшивые, режущие слух сочетания слов она отлично поняла.

– Я не хочу, чтобы меня любили до утра, – сказала она. – Или до обеда. Или по выходным. Я хочу, чтобы меня просто любили. Или нет.

– Или да, – спокойно ответил он и снова приник к ее губам долгим поцелуем, потом спустился к груди, и в тот раз они так и не закончили свой спор, который затем продолжали не раз и не два.

Женщина, спавшая тогда на другом конце Москвы и ставшая для Ганны неожиданным ударом, не была той, что сейчас стояла у окна и с ужасом всматривалась в очертания Валькиного трупа в прихожей. Со своей женой номер два Галицкий развелся спустя два года, когда между ним и Ганной все давно перегорело и рассыпалось в прах. Сейчас она смотрела на жену номер три, только что признавшуюся Илье в своей измене, и думала о том, что однажды брошенный бумеранг обязательно возвращается. Это закон жизни.

* * *

Впервые в жизни Галицкий не знал, куда себя деть. По-хорошему, он нуждался в ванне, очень горячей, с лопающейся шапкой пены, в которую можно было погрузиться с головой, чтобы хоть ненадолго забыть об окружающих реалиях. Лежать в ванне, пить виски, бездумно смотреть, как запотевают от пара зеркало над раковиной, как мутнеют в нем очертания привычного до последней мелочи помещения, любовно отделанного серым кафелем – светлым и темным.

Но ехать домой никак не хотелось, потому что там была Милена. Нет, Галицкий не думал, что она ему верна. Точнее, он просто про это не думал. На пороге надвигающегося пятидесятилетия он знал о жизни все, не делая секрета из

своих постоянных интрижек. Он любил женщин, женщины любили его, незамысловатый, а иногда очень даже замысловатый секс был для него способом снять накопившееся напряжение, не более того.

Он не считал, что брак накладывает какие-то излишние обязательства на плоть, более того, в теории был уверен, что это правило касается не только его, но и Милены, но на практике свидетельство ее измены отчего-то ударило по его нервам, вызвало растерянность и злость.

Эту женщину он не любил даже тогда, когда на ней женился. Просто жить одному было некомфортно и хлопотно, да и наличие жены надежно ограждало Галицкого от matrimониальных планов любовниц, поэтому он и оформил брак с Миленой, которая была в меру красива, в меру умна, в меру спокойна и в меру скандальна. Почему же его, черт подери, так задевает, что она ему изменила?

Он искал ответ на этот вопрос и не находил, а потому не мог решить, куда ему отправиться. И так, домой не хочется, на работе невозможно уединиться, к маме? О, нет, она не даст ему покоя, пока не вытащит все детали до малейшей подробности, а потом будет на кухне втихаря пить валокордин, потому что будет очень переживать за своего взрослого, но все-таки сына. Да и вообще, к маме нельзя, там Вовка.

Вспомнив про младшего сына, он невольно перенесся мыслями к Ганне, которая (он взглянул на часы) уже ехала в поезде в свой Витебск. Галицкий дорого бы дал, чтобы сейчас она сидела рядом. Рассудительная, все понимающая, много прощающая. Ее логичное мышление помогло бы расставить все по местам, разложить по полочкам. В самые трудные минуты своей жизни Илья всегда чувствовал, что ему не хватает именно Ганны. Она рвалась остаться в Москве, но он сам отправил ее на вокзал, так что винить было некого. Как всегда, виноват только он сам, старый чудак.

Тяжело вздохнув, Галицкий завел машину и поехал в один из своих ресторанов. Не глядя на бросившегося к нему метрдотеля, прошел в отдельный кабинет, заказал кофе, лимон, минеральную воду и бутылку виски, отмахнулся от назойливых приветствий официантки, глянул на нее так, что она почувствовала себя уволенной, грубо потребовал, чтобы его не беспокоили, пока он сам не позовет, и наконец остался один.

Он чувствовал себя так, будто его долго и последовательно валяли в грязи. Илья заново прокручивал в голове все события сегодняшнего дня, с того момента, как позвонила рыдающая Милена, и до того, как он наконец-то захлопнул за ней дверь ее машины. В промежутке было известие о ее измене, найденный труп, вызов полиции, допрос с пристрастием, четкая и бесконечная работа оперативной группы, приехавшей на место преступления.

Довольно быстро он сообразил, что выходит идеальным подозреваемым. Вольдемар Краевский был любовником его жены, только вчера Галицкий ездил на встречу с ним, чтобы посмотреть на писателя издали, и теперь вряд ли мог доказать, что на тот момент он и знать не знал, что этот слащавый красавчик, выглядевший жалко, как все душевно убогие, делил с ним, суперменом Галицким, одну и ту же женщину.

Пожалуй, именно эта мысль и была самой обидной, царапающей оголенные нервы. Если бы Милена изменила ему с успешным бизнесменом, талантливым человеком, звездой кино, он бы поморщился, но стерпел. Но чем ее привлек этот жалкий слизень, никчемный альфонс, он понять не мог. Милена рыдала так натурально, бросалась на труп, когда его уносили, заламывала руки, даже потеряла сознание, что можно было не сомневаться – альфонс ей действительно дорог. И это заставляло Галицкого усомниться в себе, уж не женат ли он все-таки на редкой дуре?

Почувствовав себя подозреваемым номер один, он позвонил своему адвокату, который, не мешкая, прибыл на место преступления и взял дело в свои руки. О своей судьбе можно было не волноваться. Галицкий знал, что Краевского не убивал, а потому ничего не боялся. Пожалуй, главными чувствами, которые он испытывал, была досада и легкое унижение от случившегося.

Из показаний Милены он узнал, что она собиралась с ним развестись и уехать вместе со своим возлюбленным в Испанию. Известие заставило его лишь усмехнуться. Что ж, испанский дом – не самая большая цена за то, чтобы больше никогда в жизни не видеть свою попытку номер три. Галицкий признавал, что Милена все рассчитала верно – он бы без лишних слов развелся с ней, назначив ей щедрое содержание, которого бы вполне хватило и на этого жиголо Краевского. Нет, Галицкий совершенно точно не стал бы никого убивать. Заплатил бы и забыл. Пошел бы дальше, как делал всегда. Именно это он и постарался донести до полицейского капитана, когда пришла очередь отвечать на его вопросы. Капитан, кажется, не поверил, но это Галицкого заботило мало.

Для таких вещей и нужен адвокат.

В то, что любовника застрелила Милена, он тоже не верил. Даже застукав его в постели с другой бабой, она бы просто пулей вылетела из квартиры. Да и пистолета, изъятого с трупа, у нее никогда не было, да и быть не могло.

– Ты его трогала? – спросил он про пистолет, приехав в квартиру, оценив происходящее и вызвав полицию. Милена отрицательно покачала головой.

В убийстве Краевского было что-то неправильное. Этот никчемный человек жил такой неинтересной жизнью, что убивать его было решительно не за что. У него не было ни денег, ни связей, он не играл в политику, не был знаменитостью, не переходил никому дорогу. Он работал в маленьком рекламном агентстве, писал дрянные тексты, трахал богатенькую стерву, строил общие с ней планы на будущее и мечтал прославиться. За что тут убивать?

И тем не менее эта ошибка Создателя за последние два дня дважды заставила Илью Галицкого поменять свои планы. Сегодня он расхлебывал убийство, а вчера мотался на другой конец Москвы, что для него было совершенно несвойственно. Стоп. Вот с этого момента нужно было думать внимательнее. Почему никогда не выезжающий из своего офиса Илья поехал на никому не нужное собрание графоманов? Потому что его отправил туда Гарик, уговоривший посмотреть на стоящего писателя.

Несмотря на то что в текстах Гарик разбирался слабо, отличить литературу от дерьма он все-таки мог. Даже в первом приближении Вольдемар Краевский не тянул на открытие года, тогда зачем Гарик, все понимающий, мудрый Гарик, фактически вынудил своего партнера на него посмотреть?

Сформулировав этот вопрос, Илья даже вспотел. Гарик был его другом, надеждой и опорой, партнером и консультантом. Они шли рука об руку уже много лет, поднимались и падали, вместе добились успеха и денег. Гарик не мог предать или подставить Галицкого. Никак не мог.

Допив залпом виски из стакана, Илья достал телефон и набрал номер своего партнера. Он не любил оставлять без разъяснения то, чего не понимал.

– Привет, – сказал он, когда Гарик ответил на его вызов. – Какого черта ты меня вчера в Новогиреево отправил?

– Так на новое имя посмотреть. Не понравился, что ли? Так мог сразу по возвращении свое «фи» высказать, больше суток прошло. Я ж тебе сказал, что сам не могу определить, стоящий этот парень или нет.

В голосе Гарика звучала фальшивая нотка. Илья слышал ее отчетливо, а потому впал в ярость, что, по отношению к другу и партнеру, происходило с ним довольно редко.

– Хватит придуриваться, – заорал он и ударил кулаком по столу. Хрустальный стакан подпрыгнул, упал, и чудом не скатился на пол. На крик прибежала официантка и тут же скрылась с глаз, напуганная видом патрона. – Ты зачем из меня идиота делаешь, Паша? Будь другом, объясни, какого черта я вчера туда поперся и зачем это было нужно тебе?

Пашей Галицкий называл Гарика примерно раз в год. И такое обращение не могло сулить ничего хорошего.

– Ты чего, белены объелся? – аккуратно поинтересовался Павел Горенко. По ту сторону трубки он чувствовал себя в относительной безопасности. – Ну, попросили меня, чтобы я обеспечил твой визит. Нужно было, чтобы ты на него посмотрел. Естественно, что этот писатель – полное дерьмо, но ты уж меня извини, Илюша, я такой вердикт сам вынести никак не мог. Требовался более убойный аргумент. Твой.

Примерно так себе Галицкий и представлял ситуацию. Конечно, Гарика убедительно просили взять в работу нового автора. Он отбивался, понимая, что из затеи ничего не выйдет, а когда держать оборону дальше стало невозможным, отошел в сторону, вызвав на арену Галицкого. Ай да Павлик, ай да сволочь.

– Кто тебя попросил? – спросил Илья устало. – Ну, давай, рожай уже. Что я из тебя информацию по капле выдавливаю?

– Да Милена твоя попросила, – чуть удивленно и немного встревоженно ответил Гарик. – Пристала с ножом к горлу, мол, возьми на работу самородка. Ты же свою

дражайшую половину знаешь, если ей чего приспичит, так вцепится хуже клеща. Я его тексты почитал, понял, что это не повидло, на хлеб не намажешь. Попытался ей честно сказать, что автор бесперспективный, а она и слышать не хотела. Отстала только тогда, когда я ей пообещал, что ты на него сам помотришь.

- А тебя не удивило, что она меня сама не просит?

- Да ладно, Илюха. Можно подумать, она тебя не знает. Ты бы даже слушать ее не стал, не то что поехал бы куда-нибудь. Ты мне лучше объясни, почему это мало значимое событие тебя так взволновало? Случилось что-нибудь?

- Случилось. - Галицкий тяжело вздохнул, как перед прыжком в воду. - Видишь ли, Гарик, - он снова вернулся к привычному обращению, и партнер на другом конце Москвы мимоходом улыбнулся, - этот самый Вольдемар Краевский оказался любовником Милены, с которым она собралась уехать от меня в Испанию.

- Свистишь... - В голосе Гарика звучало недоверие. - С чего бы ей тебя, такого богатого и удачливого, менять на это никчемное создание?

- Ты его видел, что ли? - Галицкий вдруг снова непроизвольно напрягся.

- Зачем мне его видеть? Я его творения бессмертные читал. А смотреть на него тебя отправил, уж прости, но с твоей Миленой связываться себе дороже. Ты от известия, что тебе жена неверна, так разволновался?

Этот вопрос Галицкий предпочел оставить без внимания.

- В общем, никчемный он или нет, но Милена собралась со мной разводиться. У нее завтра билеты на самолет уже были куплены, вот только поездка не состоится, вот в чем беда.

- Передумала, что ли? Или красавчик ее лыжи смазал в последний момент?

- Красавчик ее ласты склеил, а не лыжи смазал. Убили его сегодня утром, и Милена, приехавшая на свидание, обнаружила своего любовника с маленькой,

но смертельной дыркой в груди.

– Да ты что? – Голос Гарика стих до шепота. – Слушай, Илья, а ты меня не разыгрываешь? Не мстишь таким вот извращенным способом за то, что я вчера тебя в Новогиреево отправил?

– Да какие тут шутки, – Илья поднял стакан, плеснул в него виски, залпом выпил и подышал открытым ртом. – Писателя Вольдемара Краевского сегодня утром кто-то убил выстрелом из пистолета в его собственной квартире, и я только что освободился от дачи объяснений доблестным сотрудникам полиции.

– Дела-а-а-а, – протянул Гарик. – Вот только этих неприятностей нам сейчас еще и не хватало.

– Нам с тобой неприятностей всегда хватает. Мы без них не живем, – философски ответил Галицкий. – Так что, как говаривал мудрый царь Соломон, и это пройдет. Ладно, Гарик, бывай, до завтра.

Не обращая внимания на что-то возбужденно говорящего в трубку партнера, Илья нажал кнопку отбоя, откинулся на спинку кожаного дивана и закрыл глаза. Тяжело, надсадно заболела голова. У его организма всегда была именно такая реакция на стресс. Наваливалась мигрень, охватывая половину головы, стучала в висок, вгрызалась в глазное яблоко, выламывала бровь. Никакие таблетки не спасали, нужно было съесть их целую пригоршню и постараться заснуть, даже сквозь сон чувствуя сверло, вгрызающееся в череп.

Господи, какая жалость, что нельзя домой... Там Милена... На мгновение ему вдруг стало жаль жену, растерянную, испуганную, отчаянно скорбящую по своей утрате. Похоже, она действительно любила своего Волика, этого слащавого красавчика, пошлого альфонса...

В голове тревожно забила какая-то непонятная мысль, но тут же убежала, вытесненная нестерпимой головной болью. Галицкий замычал, чувствуя, как со дна желудка поднимается тошнота, неременная спутница его аристократических мигреней. Он отпил прямо из пузатой зеленой бутылки шипучей холодной минералки, достал из кармана таблетки, которые всегда носил с собой, запил, сделав еще несколько крупных глотков, и снова откинулся на диване, закрыв глаза из-за нестерпимо режущего их света.

Зазвонил телефон, громко, требовательно, вызывая концентрические круги, расходящиеся перед глазами. Мама. Галицкий сосредоточился, чтобы не показать, как ему плохо, и преувеличенно бодрым голосом ответил:

– Я весь внимание... Вы уже с Вовкой что-нибудь разбили или просто объелись мороженым?

Но мама не поддержала предложенного ей шутейного тона. Голос у нее был чужой, сухой и словно надтреснутый.

– Илья, приезжай, пожалуйста, – сказала она. – Как бы это ни казалось абсурдным, но из банковской ячейки пропал портсигар.

Головная боль не ослабла, поэтому Галицкий никак не мог сосредоточиться на маминых словах.

– Какой портсигар? – спросил он вяло, чувствуя, что, пожалуй, не сможет скрывать навалившуюся на него дурноту. – А, портсигар! Тот самый, дедушкин?

– Да, тот самый. Как ты помнишь, это Фаберже. И в банк я его отнесла по твоему совету, потому что ты сказал, что эта вещь стоит больше миллиона долларов. Я ходила сегодня туда, чтобы показать Вове дедушкину коллекцию. Так вот портсигара в ячейке не оказалось.

Глава пятая

Всеобщая мобилизация

Витебск встретил Ганну теплым весенним ветром и ароматом сирени. Белая и розовая, казалось, она была повсюду, и Ганна неспешно брела пешком по улице Кирова от вокзала к дому, в котором сняла квартиру, и вдыхала чудесный аромат полной грудью. В ее родном городе сирени не было еще и в помине.

Проснувшись рано утром, еще из окна поезда она увидела бескрайнюю взбитую сливочную пену яблоневых садов. Белоруссия с детства ассоциировалась у нее с яблоневым и вишневым цветом. В Витебске цвела сирень, много-много сирени, еще каштаны, увешанные разноцветными праздничными «свечками».

Несмотря на накопившуюся усталость и стрессы вчерашнего дня, настроение у Ганны было отличным. В Витебск она последний раз приезжала пятилетней девочкой, да и то проездом к бабушке. Она отчего-то чувствовала себя здесь как дома, хотя города совершенно не знала. Когда Ганна только планировала поездку, мама отметила ей на карте места, которые имели отношение к их семье. Мединститут, где учились родители, общежитие напротив, где они познакомились, ЗАГС, в котором расписались, кафе, где сыграли свадьбу, гостиницу «Двина», в которой провели первую брачную ночь. Ганна пообещала обойти все места и сфотографировать их, чтобы показать, как они сейчас выглядят.

Идя по улице медленно, практически нога за ногу (квартира освобождалась лишь через три часа, поэтому торопиться Ганне было незачем), она составляла план отпуска. Как человек аккуратный и привыкший жить по четкому графику, она не любила экспромтов и незапланированных событий. Итак, она приехала сюда на шесть дней. Сегодня она хотела побродить по городу, выполнить мамин наказ, если получится, то сходить в музей Шагала. Завтра она с удовольствием бы съездила в Лепель, нашла двор, в котором они с Валькой Ванюшкиным провели детство. Только перед этим нужно выполнить поручение Гарика, как обещала. Так что завтра дела, а уже послезавтра Лепель. В четвертый день она съездила бы в Здравнево, где открылась отреставрированная усадьба Репина, в пятый снова погуляет по Витебску, доснимает семейную фотохронику, а вечером шестого дня уже поезд, так что можно будет выспаться, освободить к полудню квартиру и еще немножко погулять.

Вспомнив про Ванюшкина, она нахмурилась. Несмотря на вредный характер и неприятную бабу, мадам Щукину, Ганне было его немного жаль. Какой-никакой, а приятель. Ей было любопытно, что же такого натворил Валька с его несносным характером, что его убили. И еще было очень, практически до слез обидно за Илью, который с размаху угодил в неприятности космического масштаба.

Она даже не сомневалась, что в истории с убийством он окажется победителем, как бывало с ним всегда. Сколько она знала Галицкого, он сражался с обстоятельствами и выходил из борьбы еще сильнее, чем был до этого.

Окружающие считали его отлитым из стали, несгибаемым, упрямым, рвущимся напрямую к цели, готовым вцепиться в горло, как снежный барс, и только Ганна знала, что на самом деле он постоянно метался в сомнениях, подолгу колебался, принимая решения, тщательно выстраивал линию поведения.

Она знала, видела, физически ощущала, как сильно у него болит голова, когда он расстроен. Когда-то она пыталась взять на себя хотя бы частицу этой боли, но ему это оказалось совершенно не нужно. Ее сострадание, ее готовность бежать на помощь... Она сама оказалась ему не нужна.

Думать про это было нельзя, никак нельзя, потому что хорошее настроение улетало куда-то, уносилось в сторону ветром вместе с сиреневым ароматом, и слезы подступали к глазам близко-близко, и дышать становилось тяжело... Она вышла из аллеи в центре улицы Кирова, перешла проезжую часть в неположенном месте и зашла в первый попавшийся магазин, торгующий, как оказалось, витебским льном.

«Все-таки женщины удивительные создания, – самокритично думала она, спустя десять минут, снова оказавшись на залитой солнечным светом улице, но уже став обладательницей легкого стильного льняного пиджака в веселую полосочку и с ярко-желтыми манжетами. – Для нас лучшее лекарство от любого расстройства – шопинг. Нет, мама права, я жуткая мотовка. Оттого и работаю на четырех работах, что трачу больше, чем зарабатываю».

Убрав в чемодан дорожную ветровку, она нацепила новый пиджак, чтобы не помялся, и пошла дальше, прикидывая, на каком перекрестке ей нужно повернуть на нужную улицу. Про Илью она больше не думала, зато вспомнила о Гарики, а точнее о его поручении, которое должна была выполнить в Витебске.

О просьбе Гарики, который перед отъездом попросил ее зайти к нему в кабинет, она спохватилась в самый последний момент. Отправивший ее с места преступления Илья велел водителю отвезти писательницу Друбич напрямик на Белорусский вокзал, однако Ганна всегда выполняла любые, самые мелкие свои обещания, поэтому попросила заехать в «Ирбис». Об убийстве Ванюшкина она решила Гарику ничего не говорить, решив, что Илья сделает это сам, если захочет рассказать другу и партнеру о неверности своей жены, поэтому она попросила водителя подождать ее, быстро взбежала по лестнице и влетела в кабинет к Павлу Горенко.

– У меня десять минут, – выдохнула она. – Илья дал мне машину ненадолго, она может ему самому понадобиться в любой момент, поэтому говори быстрее, что ты от меня хотел?

– Экая ты быстрая, – Гарик даже поморщился и спросил, как бы между прочим. – А сам-то Илья где?

– У него дела, он занят, – Ганна предпочитала всегда говорить правду, пусть и не всю. – Павел, мне правда некогда.

– Да ладно, ладно. Я уже понял, что ты у нас особа занятая. Впрочем, что со звезды возьмешь.

– Павел, если ты будешь издеваться, я встану и уйду.

– Упаси господь, – Гарик поднял руки вверх, показывая, что сдается, и тут же снова стал серьезен. – Вот что, душа моя. Ты в Витебск едешь, так что будет у меня к тебе маленькая просьба. Не знаю, в курсе ты или нет, но мы там пару лет назад открыли большой книжный магазин. – Ганна отрицательно покачала головой, мол, нет, не в курсе. – Он такой же, как везде, с рестораном, в котором можно перекусить или выпить чашку кофе, читая книжку. Этот формат тебе знаком. – Ганна кивнула. – В общем, поступил мне оттуда сигнал, что там что-то нечисто.

– В каком смысле?

– Да в том-то и дело, что не знаю. Есть подозрение, что управляющий, которого мы наняли, ведет себя не очень чистоплотно и работает больше на свой карман, чем на наш.

– А я здесь при чем? – искренне удивилась Ганна. – Найми аудит, отправь туда понимающего бухгалтера, съезди сам, в конце концов. Что я смогу сделать, если фактически являюсь человеком с улицы, да еще и в финансах разбираюсь примерно как свинья в апельсинах.

– Не скромничай, ты умная девочка, – Гарик нежно улыбнулся. Он всегда так ей улыбался. Все те годы, что длился ее мучительный роман с Галицким, и все то

время, когда они общались уже на пепелище этих отношений, Павел Горенко относился к Ганне с теплотой и искренней заботой. Она была убеждена, что нравится ему не как женщина, а как человек, товарищ, и отвечала тем же – симпатией. – Зайди в магазин, прогуляйся там, пообедай, скажи, что писатель, поговори с директором, попроси взять на продажу твои книги, понаблюдай... Я вовсе не прошу тебя проводить расследование, просто покрутись там, составь свое впечатление о месте и о человеке. Я туда на днях собираюсь, так что твои наблюдения мне очень даже пригодятся.

– Павлик, по-моему, ты от меня что-то скрываешь, – заявила Ганна. – Твое поручение выглядит как минимум глупо.

– Нечего мне скрывать, душа моя. – Он вздохнул и театрально взмахнул руками. – Лучший способ что-то узнать – это послушать сплетни. Поболтай с сотрудниками, с персоналом. Ты же детективщица у нас, глядишь, и принесешь в клювике что-нибудь полезное. И не называй меня Павликом, я же просил.

– Ладно, Гарик, – Ганна в глубине души смирилась с неизбежным и встала, давая понять, что разговор окончен. – Я схожу в магазин и поговорю с людьми, хотя мне кажется, что ты ошибаешься. Лучший способ узнать – это спросить.

– Вот и спроси, – Горенко искренне обрадовался, понимая, что если и не убедил в целесообразности просьбы, то точно уговорил Друбич выполнить ее. – Только пообещай мне, что если ты узнаешь там что-то... – он замялся, – этакое, особенное, затрагивающее чью-то репутацию, то ни с кем, кроме меня, обсуждать это не станешь. Хорошо?

– Хорошо, хотя я тебя не понимаю, – сухо сообщила Ганна. – Все, пока. Мне пора на вокзал.

Спустя сутки поручение Горенко яснее выглядеть не стало, поэтому Ганна решила, что завтра наведается в магазин, чтобы покончить с непонятным, но отчего-то страшно неприятным для нее заданием.

Обдумывая все это, она и не заметила, как дошла до нужного ей адреса. Квартира была уже свободна и убрана к ее приходу. Помещение оказалось отремонтировано качественно и дорого. Газовая колонка, широкая кровать, огромный телевизор, стеклопакеты, заглушающие шум с улицы, вызывали

доверие, как и молоденькая улыбчивая хозяйка, показавшая, как включать горячую воду, отдавшая ключи и наказавшая звонить, если что.

А вот дом в целом вселял опасения. Старая обшарпанная двухэтажка, соседние двери облезлые, фанерные, из-за них раздается какой-то пьяный шум. Ганна выглянула в окно, чтобы разглядеть полуразрушенные сараи, из которых доносилась громкая музыка. На миг ей стало страшно, что она одна находится в чужом месте, где легко может стать добычей неизвестного преступника.

«Детективы надо меньше читать, матушка, – сказала она самой себе сквозь зубы. – И писать тоже. Никому ты не нужна, никто тебя не тронет».

Проверив, что дверь заперта, она приняла душ, переоделась, распаковала чемодан, сварила себе чашку кофе в нашедшейся в недрах кухонной стенки медной турке, прошла босыми ногами по теплomu ламинату, плюхнулась на застеленную прохладным свежим бельем кровать и блаженно улыбнулась. Отпуск начался, и, если он будет богат на маленькие приключения, так это при ее размеренной и скучной жизни очень даже неплохо.

* * *

Поездка в Питер с сыновьями накрылась медным тазом. Хотя с Галицкого не взяли подписку о невыезде, но все-таки дали понять, что его отсутствие в такое время сочтут подозрительным. Находиться дома с постоянно рыдающей Миленой он физически не мог, поэтому собрал чемодан и переехал в маме и Вовке.

Впрочем, обстановка у мамы к спокойствию тоже не располагала. Портсигар Фаберже действительно пропал. Исчез из запертой банковской ячейки, как абсурдно бы это ни выглядело. Служащие банка разводили руками, уверяя, что произошедшее абсолютно невозможно, но портсигара стоимостью в миллион американских долларов не было. Мама уверяла, что из ячейки его не забирала и домой не уносила, и, хотя второй ключ от ячейки был в банке, пароль от кодового замка знала только мама, и открыть ячейку без ее воли никто бы не смог.

Конечно, Галицкому пароль был известен, но у него не было ключа, да и незачем ему было тащиться в этот самый банк и забирать проклятый портсигар. Он вообще к вещам, даже самым ценным, относился без должного пиетета.

Сказать, что потеря миллиона долларов его совсем не задевала, конечно, было лукавством, но история вызывала скорее досаду, чем настоящее волнение. Убийство Вольдемара Краевского и мысль о том, насколько Милена, а следовательно, и сам Галицкий окажутся замешанными в этой истории, тревожила его гораздо сильнее. А вот мама волновалась и переживала по-настоящему, то и дело пила сердечные капли и не могла говорить ни о чем другом, кроме как о доставшемся ей от отца чертовом портсигаре.

Петербургская ювелирная мастерская братьев Фаберже начала изготавливать портсигары в конце восьмидесятых годов девятнадцатого века. Один старый антиквар, которому Галицкий давным-давно, еще в молодости, относил дедово наследство на оценку, говорил ему, что из мастерской портсигаров вышло гораздо больше, чем знаменитых пасхальных яиц. Фаберже был уверен, что его задача – ввести ювелирное искусство в повседневный быт его клиентов, поэтому портсигары, а вместе с ними письменные приборы, ручки для зонтов, трости, колокольчики, наручные часы и даже рамки для только-только входящих в моду фотографий изготавливались в достаточно приличных объемах и расходились среди дворянства, купцов и интеллигенции. Стоили они недешево, но своего потребителя находили легко.

Чтобы расширить круг потенциальных покупателей, портсигары Фаберже делали из самых различных материалов, уменьшая или, наоборот, увеличивая их стоимость. Золото, серебро и даже медь, эмаль, драгоценные камни или ажурные переплетения драгоценных металлических полос. Мастера работали в самых разных стилях – от классического и рококо до начавшего пользоваться спросом модерна.

Портсигары действительно были настоящим произведением искусства, но при этом работали безукоризненно, снабженные качественными пружинами и замочками, легко открывались и плотно захлопывались.

Портсигары от Фаберже ценил и собирал последний российский император Николай Второй. Известно, что когда он был еще ребенком, то оказался свидетелем железнодорожной катастрофы, в которую его семья попала вместе с действующим на тот момент императором Александром Третьим. Во время

следования царского поезда в 1888 году паровоз сошел с рельсов, четыре первых вагона перевернулись и разлетелись. Пострадал и вагон, в котором ехала царская семья. Им удалось уцелеть. Никто даже не был ранен, но вот серебряный портсигар, лежащий в правом кармане императора, оказался сплюснен, поскольку на него пришелся удар тяжелой балки. Было ясно, что изящная вещица спасла царя от ранения, и этот случай настолько потряс юного тогда Николая, что он начал собирать портсигары.

По свидетельству историков, первый из них ему подарил на двадцатилетие отец. Следующим портсигаром в коллекции стал подарок матери, затем жены. Сам Николай, будучи уверенным, что это лучший подарок, заказывал портсигары для своих близких даже не десятками, а сотнями.

Изделия мастерской Фаберже расходились по чиновникам, военачальникам, дипломатам, людям, отличившимся на службе Отчизне, иностранным гостям, родственникам царской семьи и даже случайным людям.

Именно такой «царский» портсигар и хранила трепетно Эсфирь Григорьевна Галицкая, дочь известного московского адвоката. О том, что в семье есть подобный раритет, отец признался ей только перед самой смертью, ноотрез отказался рассказать обстоятельства, при которых портсигар попал к нему в руки, велел хранить его, как зеницу ока, не терять, а продавать лишь в случае крайней нужды.

Эсфирь Григорьевна в его рассказ поверила не до конца, золотую безделушку послушно спрятала с глаз подальше и показала сыну, когда тот вырос и занялся бизнесом. Тридцатилетний Илья хмыкнул при слове «Фаберже», покрутил золотую безделицу в руках и отправился на консультацию к ювелиру, а после визита к нему враз перестал посмеиваться.

Портсигар действительно оказался из мастерской Фаберже. Весил почти сто тридцать граммов, состоял из чистого золота, на верхней крышке имел восемнадцать бриллиантов исключительной чистоты и приличной каратности, алмазами огранки «роза» была украшена и защелка, сделанная из платины. Предположительно мастером, изготовившим портсигар, был самый знаменитый работник ювелирных мастерских братьев Фаберже Генрик Вигстрем. Золотая поверхность крышки была гравирована полосками, перемежающимися синей эмалью, и стоило это все баснословно дорого. Как сказал ювелир, начальная цена на аукционах «Сотби» или «Кристи», легко могла составить около

миллиона долларов и выше.

Продавать дедову память Галицкий не собирался. Ему было страшно интересно раскопать, куда уходит след семейной реликвии, кому принадлежал портсигар, имеющий номерной знак. Как он попал к деду? Но руки до настоящего расследования так и не дошли.

Мама никакого расследования проводить и вовсе не хотела, боясь, что оно бросит какую-то тень на имя ее отца (перефразируя Остапа Бендера, можно было предположить, что все крупные приобретения могли быть сделаны только нечестным путем), от известия о стоимости портсигара она чуть ли не поседела разом, запричитала, что теперь боится находиться с ним под одной крышей, потому что придут воры в ночи, дорогую игрушку отберут, а ей дадут по голове. Она потребовала, чтобы Илья обеспечил безопасность и ей, и портсигару. В солидном банке была арендована ячейка для хранения ценностей, содержание которой обходилось за год в кругленькую сумму. Портсигар был помещен туда вместе с мамиными драгоценностями, а также коллекцией золотых и серебряных монет, также доставшихся от деда.

Иногда мама ходила в банк, чтобы подержать в руках свои сокровища, и вот когда она пришла вчера вместе с Вовой, чтобы показать ему царский портсигар самого «Фаберже», того в ячейке не оказалось. История выглядела невероятной, но тем не менее случилась. Надо признать, крайне не вовремя.

– Папа... – Галицкий повернул голову. Он видел их с Ганной сына очень редко, и обращение «папа» из уст мальчишки с непривычки резало слух. – Папа, а этот портсигар, который бабушка потеряла, он очень дорогой?

– Бабушка ничего не теряла, – Эсфирь Григорьевна появилась в дверях, промокнула кружевным платочком глаза, вид у нее был страдальческий. – У бабушки портсигар украли.

– Мамочка, если так, давай обратимся в полицию, – наверное, в сотый раз устало предложил Галицкий. Еще одно общение с полицией в его планы не входило, но если маме так будет спокойнее...

– Илюша, в банке просили не обращаться в полицию, пока они не закончат внутреннее расследование, – тоже в сотый раз ответила Эсфирь Григорьевна.

– Папа, бабушка, а если эта вещь такая дорогая, откуда она появилась у моего прадедушки?

Галицкий в очередной раз подумал, что сын перенял у матери привычку смотреть точно в корень.

– Понятия не имею, – признался он. – Когда-то давно я хотел разобраться в этом, но все руки не доходили, а потом забыл. Хотя у портсигара был номерной знак, по которому его путь вполне можно было проследить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/martova_lyudmila/pochti-semeynyy-detektiv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)